

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

РУДНЕВ Дмитрий Владимирович

**Связочные глаголы в русском языке XVII–
XIX веков**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015**

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты **Дымарский Михаил Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Попова Лариса Владиславовна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и речевой культуры ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова»

Семёнов Пётр Александрович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин ЧОУ ВПО «Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества»

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Защита состоится «12» ноября 2015 г. в 16.00 часов на заседании совета Д. 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте: <http://spbu.ru/science/disser/dissertatsii-dopushchennye-k-zashchite-i-svedeniya-o-zashchite/details/12/474>

Автореферат разослан « » _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Вяткина С. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Составное именованное сказуемое относится к числу динамично развивающихся грамматических явлений. Этот тип предиката, занимавший в древнерусском языке грамматическую периферию, в языке Нового времени активизируется. По мере движения русского языка к его современному состоянию увеличивается удельный вес предложений с составным именованным сказуемым. В основе этого процесса лежали, прежде всего, стилистические причины – формирование научного и публицистического стиля, развитие жанров, опирающихся на такие функционально-смысловые типы, как описание и рассуждение, формирование категории автора и целый ряд иных процессов. Процесс распространения составного именованного сказуемого сопровождался активной перестройкой его компонентов. С одной стороны, происходит расширение круга лексем, бравших на себя связочно-квалифицирующую функцию, идет уточнение семантики связочных компонентов, связки организуются в систему. С другой стороны, происходит отбор классов слов и грамматических форм, способных выполнять функцию именной части сказуемого, протекают процессы взаимного приспособления связочного и присвязочного компонентов, унификации сочетаемостных свойств связок и обобщения грамматических форм именной части.

Составное именованное сказуемое привлекает пристальное внимание многочисленных лингвистов, однако материалом их исследований служит главным образом русский язык XIX–XXI столетий. Процессы генезиса и развития компонентов составного именованного сказуемого остаются практически неизученными. В исторических работах затрагивается очень ограниченный круг тем: становление нулевой формы связочного глагола *быть*, развитие творительного предикативного на месте именительного предикативного, вытеснение краткого прилагательного полной формой из позиции именной части – остальные темы практически не затронуты в научной литературе.

Темой реферируемой диссертации является история связочных глаголов в русском языке XVII–XIX вв. Несмотря на разное понимание понятия «связка», представленное в лингвистике, не возникает сомнения в том, что связки представляют собой разряд слов, выполняющих в составе предложения служебную функцию. В отличие от союзов и предлогов, не раз становившихся объектом изучения историков русского языка, связочные глаголы как отдельный разряд служебной лексики до сих пор не получили систематического исторического описания. К числу неисследованных относятся такие вопросы, как история возникновения различных связок, время и условия формирования связочного значения у полнозначных глаголов, репертуар связочных глаголов, их системные отношения и особенности синтагматики в разные периоды истории русского языка, и целый ряд других проблем.

Таким образом, *актуальность* диссертации обусловлена вкладом в изучение важных аспектов исторической морфологии и исторического синтаксиса. Вклад в историческую морфологию русского языка определяется

изучением становления системы связочных глаголов как особого класса неполнозначной лексики; вклад в исторический синтаксис заключается в изучении процессов, которые протекали в области составного именного сказуемого, получившего широкое распространение в русском языке Нового времени.

Цель диссертационного исследования – описание семантических и синтагматических особенностей системы связочных глаголов в русском языке XVII–XIX вв.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) на основании письменных памятников проследить историю грамматикализации связок, в ходе которой происходило приспособление полнозначных глагольных единиц к их использованию в служебной (связочной) функции;

2) выявить участие лексических, синтаксических, стилистических факторов в развитии системы связочных глаголов;

3) проследить особенности парадигматических – синонимических и антонимических – отношений в системе русских связочных глаголов в разные периоды развития русского языка;

4) проанализировать особенности сочетаемости связочных глаголов на протяжении XVII–XIX вв.

5) исследовать характер произошедших изменений в сочетаемости связочных глаголов и установить их причины.

Объектом диссертационного исследования являются связочные глаголы в русском языке XVII–XIX вв. **Предмет** диссертации – процесс грамматикализации глагольных лексем, развивших способность занимать позицию связки в составном именном сказуемом, в русском языке XVII–XIX вв.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые изучена история формирования связочных глаголов как отдельного разряда неполнозначных слов; исследован механизм грамматикализации связочного значения и факторы, которые влияют на процесс грамматикализации; проанализирована сочетаемость связочных глаголов в диахронии; установлены факторы, определявшие расширение, сужение и унификацию дистрибутивных свойств глагольных связок.

Теоретическая значимость заключается в том, что в результате диссертационного исследования получено систематическое описание компонентов составного именного сказуемого в диахроническом аспекте.

Практическая ценность. Сделанные наблюдения и выводы могут быть использованы в курсах по современному и историческому синтаксису русского языка, в курсах по исторической морфологии и исторической лексикологии русского языка, а также при написании учебных пособий.

Методы исследования. Основные методы исследования, использованные в диссертации, – метод наблюдения и лингвистического описания, метод

семантико-синтаксического и контекстуального анализа, историко-сопоставительный, дистрибутивный и статистический метод.

Хронологические рамки диссертационного исследования. Правой хронологической границей исследования является рубеж XIX–XX вв., когда стабилизируется синтаксическая система современного русского языка.левой хронологической границей исследования избран XVII в., когда в системе связочных глаголов начинаются активные изменения. Длительное время составное именное сказуемое было редким и периферийным типом предиката. Активизация составного именного сказуемого начинается со второй половины XVI в., вызывая появление новых связок. Особенно активно процесс появления новых связок протекал в XVIII в. Таким образом, ограничение хронологических рамок исследования периодом XVII–XIX вв. позволило сосредоточиться на активных процессах в системе связочных глаголов. В ряде случаев при описании отдельных связок привлекался как более ранний, так и более поздний языковой материал.

Материал исследования. При отборе связочных глаголов мы исходили, во-первых, из их активности в русском языке. В работе описывается история всех наиболее продуктивных связочных глаголов современного русского языка; помимо этого описываются глаголы, активное употребление которых приходилось на более раннюю эпоху и которые в современном русском языке почти или совсем не употребляются. В современной русистике встречается широкое понимание связки, к их числу относят, например, глаголы с абстрактным значением (*входить в, заключаться в, принадлежать к, представлять собой* и др.), не способные присоединять к себе предикативные формы имени. Мы ограничиваемся рассмотрением только тех связок, которые присоединяют (или присоединяли в прошлом) предикативные формы имени; иными словами, ограничиваемся ядром системы связочных глаголов. За рамками исследования остается связочный глагол *быть*.

Источником материала послужили тексты XVII–XIX вв., имеющие различную жанрово-стилистическую природу. Составное именное сказуемое встречается главным образом в текстах, включающих в свой состав функционально-смысловой тип речи описание, «сущность которого сводится к выражению факта сосуществования предметов, их признаков в одно и то же время» (Т. Б. Трошева). Однако полужнаменательные связки встречаются далеко не во всяком описании: в силу своей субъективно-оценочной семантики они не употребляемы в текстах, лишенных субъективного начала, например в деловых текстах. Наоборот, в текстах художественного, публицистического и отчасти научного стиля полужнаменательные связки широко представлены. Таким образом, расширение употребления связочных глаголов и увеличение их числа были обусловлены серьезными сдвигами, произошедшими в жанрово-стилистической системе русского языка на протяжении XVII–XIX вв.

Сказанное выше объясняет количественную диспропорцию источникового материала для разных периодов истории русского языка. Материал диссертации был извлечен методом сплошной выборки из

43 источников XVII в. (общим объемом более 1700 страниц), из 182 источников XVIII в. (более 11000 страниц), из 279 источников XIX в. (около 48000 страниц). Кроме того, был привлечен материал XVI в. (27 источников) и XX в. (34 источника). Большое количество текстов XVII – первой половины XVIII в. не было использовано в диссертации, поскольку поиск исследуемого материала в этих текстах дал отрицательный результат.

Для анализа динамики сочетаемости глагольных связок в течение XVIII–XIX вв. в диссертационном исследовании также были использованы данные Национального корпуса русского языка. Для большинства связок использовались три выборки: XVIII в., 1800–1850 гг. и 1890-е гг. Материал извлекался методом сплошной выборки и затем анализировался статистически; всего было извлечено и обследовано около 32000 предложений, содержащих связки *стать, становиться, сделаться, делаться, учиниться, остаться, оставаться, пребыть, пребывать, показаться, казаться, представляться, представиться, оказаться, оказываться, считаться, почитаться*. Полученные статистические данные представлены в табличном виде.

Положения, выносимые на защиту.

1. Составное именованное сказуемое в течение XVII–XIX вв. претерпевает ряд существенных изменений, связанных как с количественным расширением употребления, так и с качественными преобразованиями в способах выражения связочной и присвязочной части.

2. Активизация составного именованного сказуемого в письменном языке была обусловлена появлением и распространением новых жанрово-стилистических форм, прежде всего развитием художественного, публицистического и научного стиля, распространением таких функционально-смысловых типов речи, как описание и рассуждение.

3. Выдвижение составного именованного сказуемого из периферии в центр синтаксической системы русского языка обусловил активизацию процессов, связанных с расширением семантической емкости составного именованного сказуемого и унификацией способов выражения его компонентов.

4. В области связочных средств основными тенденциями были увеличение их числа и уточнение выражаемого ими значения; происходила постепенная замена многозначных связок однозначными либо сужение круга выражаемых одной связкой значений.

5. Семантика связочного значения обращена к модусу предложения, таким образом, грамматикализация связок представляет собой процесс развития модусного значения на основе исходного диктального значения.

6. Развитие модусного значения происходило под влиянием различных факторов; среди них наиболее значимыми были возвратная форма глагола и расширение субъектной сочетаемости связочных глаголов за счет слов абстрактной семантики – эти два грамматических фактора обеспечивали подавление агентивной семы и последующую модализацию.

7. Формирование разных групп связок было неодновременным и было обусловлено тем основным модусным значением, которое они выражают.

Наиболее ранним было формирование фазисных связок, для которых ведущим является выражение перцептивного модуса; вслед за ними происходило оформление группы модальных связок, у которых на основе перцептивного модусного значения формируется способность к выражению ментального, дубитативного значения. Наиболее поздним было формирование логических связок, лишенных перцептивного значения и полностью обращенных к выражению различных ментальных значений.

8. В основе изменения сочетаемости связочных глаголов лежали два основных фактора – изменения в семантике связок и процессы расширения и обобщения свойств присвязочных компонентов.

9. Для XVII в. ведущей формой выражения присвязочной части в конструкциях с полузнаменательными связками было краткое прилагательное (причастие), остальные формы были редки. В течение XVIII–XIX вв. происходит значительное расширение синтагматических возможностей связочных глаголов.

10. Процесс замены устаревших присвязочных форм (существительное в Им. п., краткое прилагательное) новыми формами (существительное в Тв. п., полное прилагательное) не сводился к механической замене, так как новые формы имели иной семантический потенциал.

11. Стабилизация связочного значения и унификация синтагматики связок обусловили более тесную связь компонентов составного именного сказуемого, которые сформировали стабилизированный предикативный комплекс (бином), способный выступать не только в позиции предиката, но и во вторичных синтаксических позициях в качестве составного члена предложения.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационного исследования были изложены различных конференциях: на XXXV–XXXVIII Международных филологических конференциях (Санкт-Петербург, 2006–2009 гг.); на Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони (Санкт-Петербург, 2009 г.), на IV Международной научной конференции «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 2009 г.); на IV и V Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва, 2010 г. и 2014 г.); на Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ю. С. Сорокина (Санкт-Петербург, 2013 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Списка источников и Списка использованной литературы. Текст диссертации включает 23 таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется объект, предмет, научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

Глава I «История изучения связки в логике и грамматике» посвящена различным аспектам изучения связки в трудах логиков и лингвистов. Связка относится к числу научных понятий, которые, возникнув в эпоху античности, с течением времени претерпели существенную трансформацию в своей трактовке. До середины XIX в. под влиянием логики в отечественной лингвистике господствовало представление о связке как об универсальном элементе любого предложения: считалось, что в составном именном сказуемом связка представлена эксплицитно, а в глагольном сказуемом – имплицитно, включаясь в состав личной формы глагола (так называемая «потаенная» связка).

Собственно лингвистическое изучение связки как компонента аналитического сказуемого начинается со второй половины XIX в. и связано с именами А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и других лингвистов. При выделении связочных компонентов используются три критерия – морфологический, синтаксический и семантический. Соотношение этих критериев оказывается неодинаковым в разных лингвистических описаниях связок, следствием чего является разное представление о количестве связочных единиц, их функциях в предложении и системных отношениях. Для последовательно синтаксического подхода характерно признание связками тех слов, которые способны присоединять к себе ту или иную форму предикативного имени. Так, по мнению А. А. Потебни, глагол выступает в функции связки независимо от своей семантики, когда он присоединяет имя в согласуемой с подлежащим форме (то есть в Им. п.). Синтаксический подход проявляет себя и в том случае, когда в качестве обязательного атрибута связки признается ее способность к выражению предикативных категорий: в этом случае за неглагольными компонентами (*это, вот* и др.) статус связки не признается. Семантический подход предполагает учет семантики связок, которая отличается от семантики полнозначных глаголов тем, что обращена не к диктуму, а к модусу предложения. Морфологический подход связан с попытками выделения связочных лексем в отдельный лексико-грамматический класс, а также с учетом морфологической формы присвязочного компонента при отнесении глагольной лексемы к разряду связок.

Соотношение трех критериев при выделении связок оказывается неодинаковым. В работах А. М. Пешковского последовательно учитываются все три критерия; такой комплексный подход является главным и в современной русистике при выделении связок и их классификации. Разделяя на начальном этапе идею А. А. Потебни о том, что связкой является лишь глагол, способный присоединять к себе согласуемую форму имени, позже А. М. Пешковский существенно расширил морфологическую базу именной части сказуемого за счет (предложно)-падежных форм существительного, творительного предикативного существительного и прилагательного, компаратива, наречия. А. М. Пешковский предложил первую классификацию связочных глаголов, разделив их на основании семантического критерия на отвлеченную связку *быть*, полувещественные связки (*казаться, оказываться,*

оставаться, считаться, делаться, становиться, стать) и вещественные связки. Эта классификация до сих пор используется в школьных курсах русского языка, хотя и не лишена внутреннего противоречия, поскольку если при выделении вещественных связок на первое место ставится морфологический критерий, то при выделении первых двух групп учтена как способность присоединять предикативные формы имени, так и семантика связочных лексем.

В XX в. изучение связок шло в нескольких направлениях. В работах Л. В. Щербы и В. В. Виноградова была сделана попытка выделить связки в отдельную часть речи. Считая, что функцией связки является выражение отношений между подлежащим и сказуемым, Л. В. Щерба отнес к связкам только глагол *быть* (а также слово *это*), квалифицируя остальные связки как «контаминацию глагола и связки, где глагольность более или менее ярко выражена». Идея выделения глагола *быть* в отдельную часть речи просуществовала до 1950-х гг. (Р. В. Протогенова), но позже лингвисты от нее отказались. В настоящее время квалификация глагольной связки *быть* как отдельной части речи представлена в работах П. А. Леканта и Л. В. Поповой.

Мысль об особом морфологическом статусе *быть* во многом обязана представлению об асемантичности этой глагольной связки, восходящему к универсальным грамматикам. Это мнение было подвергнуто сомнению в XX в. целым рядом философов и лингвистов (М. Н. Каринский, С. А. Шубик, Л. В. Колесникова, Т. Н. Голицына, В. И. Чернов и др.), которые полагают, что связочный глагол *быть* привносит в предложение общее значение бытия.

Отказ от признания связок отдельным грамматическим классом слов не снял вопрос их морфологической квалификации, который обычно решается современными лингвистами в синтаксическом ключе. Так, В. С. Юрченко и М. Гиро-Вебер не видят принципиальной разницы между знаменательным глаголом и связкой; по словам М. Гиро-Вебер, «связка – это просто одна из глагольных функций». По мнению А. Я. Баудера, «связка – это синтаксическая функция семантически редуцированного слова», использование глагола в функции связки не приводит к его выходу из класса глаголов. Близкой к этому является позиция Л. В. Поповой, относящей связку к явлениям синтаксиса, а не морфологии.

Отнесение связки к явлениям синтаксиса, а не морфологии является, видимо, более целесообразным, хотя вместе с тем затрудняет решение вопроса о количестве связочных единиц в русском языке, так как синтаксические функции связок определяются по-разному. В 1950–1970-е гг. под влиянием учения о предикативности как обязательном признаке простого предложения рядом лингвистов была предпринята попытка объединить в рамках связочных глаголов вспомогательные глагольные компоненты составного именного и составного глагольного сказуемого (Р. В. Протогенова, Ю. Г. Скиба, Л. В. Колесникова). В основе объединения лежала мысль о том, что связочный и вспомогательный глагол участвуют в выражении предикативности; связка, при таком понимании ее основной синтаксической функции, представляет

собой «составной элемент предикативной синтаксемы с инфинитивной или именной смысловой основой» (Ю. Г. Скиба).

Другие исследователи видят основную функцию связки в «дополнительном указании на синтаксические отношения между главными членами двусоставного предложения» (К. В. Габучан). При таком подходе к числу связок относят небольшое число служебных словоформ местоименного или глагольного характера, оторвавшихся от парадигмы своих частей речи («Русская грамматика»): *это, есть, являться, значить, означать, называться*.

Однако большая часть лингвистов, исследующих связки в русском языке, выделяют связку на основании не одной, а нескольких функций. В работах П. А. Леканта выделяются три функции связки: грамматическая, связанная с выражением модально-темпорального плана предложения, формальная (связывающая), заключающаяся в том, что связка выражает отнесенность предикативного признака к субъекту, и семантическая, проявляющаяся в том, что связка квалифицирует отношение признака к субъекту. Исходя из сформулированных положений, П. А. Лекант исключает из числа связок все неглагольные элементы, однако число связочных глаголов в его концепции оказывается значительно шире традиционно выделяемых связок, так как основным критерием для отграничения связок от полнозначных глаголов является семантический признак. Система связок предстает в виде поля, в центре которого находится глагол *быть*, констатирующий «наличие признака в чистом виде». Остальные связки объединяются в зависимости от выражения ими одного из трех типовых грамматикализованных связочных значений – фазисного, модального или логического.

Признание в качестве необходимого свойства связки наличие грамматикализованного значения повлекло исключение из числа связочных глаголов вещественных связок, которые таким значением не обладают. Вместе с тем, сделав акцент на связочном (грамматикализованном) значении, П. А. Лекант расширяет число связочных глаголов за счет глагольных лексем, которые способны выражать абстрактное значение, но не способны присоединять к себе предикативные формы имени (*характеризоваться, славиться, представлять собой, состоять, заключать, принадлежать, относиться* и мн. др.). Такие глагольные лексемы получили название неспециализированных связок в отличие от специализированных связок, способных присоединять специализированные предикативные формы. Позиций П. А. Леканта в вопросах описания и классификации связок придерживается в многочисленных работах Л. В. Попова.

Стремление исключить из числа связок полнозначные глаголы и неглагольные элементы и учесть при отнесении к связкам их семантику прослеживается и в работах других лингвистов. По мнению Т. Н. Голицыной, к связочным следует относить только те глаголы, которые настолько ослабили свое лексическое значение, что «уже перестали раскрывать конкретное содержание развивающегося во времени признака, сохранив лишь способность называть общую идею бытия». Такими глаголами являются *быть*,

«выражающий идею бытия ... “в чистом виде”» и глаголы *стать–становиться, делаться–сделаться, явиться–являться, оказаться–оказываться, казаться–показаться, представиться–представляться, остаться–оставаться*, выражающие идею бытия в модифицированном виде – как действительное, предполагаемое, возникающее, продолжающееся и т. д., но «подобно глаголу *быть*, не раскрывающие самого содержания бытия». Голицына исключает из числа связочных не только вещественные связки, у которых нет способности к выражению общей идеи бытия, но и некоторые глаголы (*служить, считаться, числиться, выглядеть* и др.), которые обычно относятся к числу связок. Исключение последней группы обусловлено тем, что хотя эти глаголы и ослабили свое лексическое значение, однако «не перестают раскрывать (хотя бы в минимальной степени) содержание бытия».

В трудах В. И. Чернова, как и в работах П. А. Леканта, Л. В. Поповой, Т. Н. Голицыной, прослеживается интерес к семантике связочных глаголов и принципах их системной организации на смысловой основе. Хотя исследователь не исключает из числа связок знаменательные связочные глаголы, они остаются в стороне от исследования, которое сосредоточено на полужнаменательных связках. Из корпуса полужнаменательных связок В. И. Чернов выделяет глаголы *стать–становиться, делаться–сделаться, остаться–оставаться* (фазисные связки), *показаться–казаться, оказываться–оказываться* (модальные связки), относя их к числу доминантных связок, «предопределяющих конструктивную организацию и основные закономерности функционирования полужнаменательных связок русского языка». Эти связки, формируя привативную оппозицию к связке *быть* и эквиполентную оппозицию относительно друг друга, находятся в центре грамматической системы русского языка; остальные связки являются периферийными, хотя некоторые из них оказываются очень частотными (*являться, служить, выглядеть, представляться*). Пытаясь распределить все полужнаменательные связки между двумя группами – фазисными и модальными, В. И. Чернов сталкивается с трудностями при классификации связочных глаголов *выглядеть, считаться, слыть, числиться, являться, служить, называться* и нек. др. и относит их к числу модально опустошенных, отмечая, что эта группа образуют «мозаично пеструю картину».

Представляется, что проблема, с которой столкнулся В. И. Чернов, получила удовлетворительное разрешение в трудах П. А. Леканта и Л. В. Поповой, которые наряду с фазисным (фазовым) и модальным значением выделяют логическое значение. Значительная часть модально опустошенных связок в классификации Чернова входит в число лексем, выражающих логические отношения, либо примыкает к ним. В силу этого в нашей диссертации описание связочных глаголов происходит на основе их деления на фазовые (фазисные), модальные и логические.

Одним из дискуссионных вопросов при изучении связок является вопрос о статусе связочных глаголов в односоставных предложениях и о статусе неличных форм связочных глаголов (инфинитив, причастие, деепричастие).

Вслед за А. А. Потебней, А. А. Шахматовым, Л. В. Поповой и другими лингвистами мы считаем возможным и на эти случаи употребления связочного глагола распространять термин связки, несмотря на то что во всех этих случаях не происходит связывания подлежащего и сказуемого. По мнению Л. Д. Чесноковой, во всех этих случаях связочный глагол выступает в функции вербализатора имени, наделяя его глагольными категориями. В современном русском языке сочетание связочного глагола и присвязочного имени функционирует как устойчивое глагольно-именное аналитическое сочетание, способное употребляться в разных синтаксических позициях. Позиция предиката двусоставного предложения – исторически первичная, но лишь одна из возможных синтаксических позиций такого аналитического сочетания. Эта позиция, впрочем, отличается тем, что в ней возможны некоторые грамматические формы присвязочного имени, отсутствующие или крайне редкие в других, вторичных синтаксических позициях (например, Им. п. существительного и полного прилагательного, краткое прилагательное).

Глава II «История фазисных связок» содержит историческое описание фазисных связочных глаголов. Эту группу связок объединяет имплицитное указание на фигуру наблюдателя, который выделяет и сопоставляет разные этапы осуществления события (М. А. Шелякин); они содержат информацию о том, что предмет, которому говорящий приписывает тот или иной признак, не менее двух раз становился объектом наблюдения, на основании которого открываемые в предмете признаки оцениваются либо как неизменные, либо как изменяющиеся количественно, либо как возникающие.

Фазисные связки распадаются на две подгруппы. Одна подгруппа фазисных связок (глаголы *стать–становиться*, *делаться–сделаться*; устаревшие и вышедшие из употребления глаголы *деяться–содеяться*, *твориться–сотвориться*, *чиниться–учиниться* и др.) указывает на становление, возникновение признака, приписываемого предмету, или, говоря словами А. М. Пешковского, на «переход из одного состояния в другое». Вторая подгруппа фазисных связок обозначает продолжение обладания предметом приписываемого ему признака (глагол *остаться–оставаться*, ранее это значение были способны передавать глаголы *обретаться*, *находиться*, *пребыть–пребывать*).

Фазисные связки со значением возникновения формировались с древнейших времен на основе различных моделей. Формирование фазисной связки *стать* относится, по-видимому, к праславянскому периоду, на что указывает ее употребление в различных славянских языках. Наиболее вероятно, что возникновение связочного употребления глагола *стать* произошло на основе значения ‘явиться, предстать’ (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28), которое, в свою очередь, метонимически развилось из значения ‘расположиться, остановиться где-л.’ В силу особенностей своего происхождения, связка *стать* длительное время содержала в своей семантике эмергенциальный смысловой компонент (значение обнаружения, выявления),

который сближал ее со связочными глаголами типа *оказаться*. Эмергенциальный оттенок сохранялся в семантике связки *стать* до XIX в.; это находило отражение в особенностях сочетаемости этой связки, нетипичной для других фазисных связок. Связка *стать* возникла в рамках разговорной речи и в течение долгого времени сохраняла разговорную окраску, а в некоторых контекстах употребления сохраняет ее до сих пор.

Длительное сохранение в семантике фазисной связки *стать* эмергенциального оттенка и стилистическая ограниченность ее употребления разговорной сферой способствовали возникновению в составном именном сказуемом связочных глаголов, которые выражали фазисное значение возникновения в более «чистом» виде и были лишены оттенка разговорности. Основой для формирования таких связок в русском языке явились глаголы со значением созидания – *(со)творить*, *(у)чинить*, *(со)дейть*, *(с)делать*.

Связочное употребление глагола *твориться–сотвориться* в значении ‘стать, сделаться кем-, чем-л. или каким-л.’ фиксируется в древнейших русских памятниках, например: *Сътвори си въ члвѣцѣхъ кротъкъи, да нбснѣи житель будещи* (Изб. Св. 1076 г., 173). Первоначально формант *–ся* у связочного глагола *твориться–сотвориться* имел собственно возвратное значение (=себя), и признаковое слово, присоединяемое этим глаголом, обозначало результат деятельности субъекта. В качестве грамматического субъекта могло выступать только слово со значением лица.

В результате процесса декаузативации происходило ослабление агенса, каузирующего действие. В этих случаях грамматический субъект, в сочетании с которым выступал *твориться–сотвориться*, выражал не каузатора-агенса, а перцептивный объект. Семантическим субъектом таких предложений является наблюдатель, который оценивает изменения в воспринимаемом объекте. У глагола *твориться–сотвориться* процесс декаузативации растянулся во времени и не был завершен. Ослабление его акциональной семантики наблюдалось в определенных контекстах: в конструкциях, где присвязочное имя включает указание на качество или свойство, приобретение которого не может быть результатом сознательного, целенаправленного действия субъекта. Например: *Сотвори же ся Лука напрасен и безстуден* (Повесть о Луке Колочском); *Сам же до кончины живе во истиннѣ и правде, и послѣдний день сотворися ему миренъ* (Повесть об Аполлонии Тирском).

В XVII в. абстрактное связочное значение возникновения освобождается от контекстуальной ограниченности и закрепляется за лексемой *твориться–сотвориться*. Развитие абстрактного значения проявилось в расширении правосторонней и левосторонней сочетаемости этого связочного глагола: значение возникновения реализовывалось независимо от семантики присвязочного имени; в качестве грамматического субъекта стали выступать слова не только с личным, но и с неличным значением. Например: *Жено, что обнищаномъ и в велицей скудости дом нашъ сотворися?* (Беседа отца с сыном о женской злобе); *...ты бо, о мужу, не токмо еже наказанъ еси, но еще и злыи сотворилься еси, не имѣя премѣнения страсти!* (Басни Эзопа).

В XVII в. связочный глагол *твориться–сотвориться* начинает быстро выходить из употребления; этому способствовало расширение употребления связочного глагола *чиниться–учиниться*, который образовался в русском языке по аналогичной модели. Процесс вытеснения завершился в первой половине XVIII в., когда глагол *твориться–сотвориться* использовался лишь в качестве стилистического средства для придания тексту торжественной окраски. Например: *...и всему миру от того часа страшна сотворися держава Римская* (Феофан Прокопович).

Глагол *чиниться–учиниться* развивает способность к связочному употреблению позже, чем глагол *твориться–сотвориться*. В XVI в. случаи его связочного употребления еще очень редки. Судя по функционально-стилистической принадлежности текстов, новый связочный глагол сформировался в рамках деловой речи. Например: *И вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сынъ учинился на государстве государь и чтоб была в земля правда* (Повесть о болезни и смерти Василия III); *И нынеча брат его Еган государю нашему учинился супротивен, со государя нашего з злыми людьми с изменники отступил...* (Статейный список И.М. Воронцова).

По-видимому, появление и распространение связочного глагола *чиниться–учиниться* было связано со стремлением избежать употребления связочного глагола *твориться–сотвориться*, который осознавался как принадлежность высоких жанров. В XVII в. происходит быстрое распространение нового связочного глагола. Расцвет связочного употребления глагола *чиниться–учиниться* приходится на первую половину XVIII в., далее происходит его постепенный выход из употребления. В период своего расцвета этот связочный глагол употреблялся с самыми разнообразными формами присвязочного имени: существительное в Им. п., Тв. п. и предложно-падежных формах, краткое прилагательное, полное прилагательное в Им. п. и Тв. п., компаратив и пр. Например: *А если в другой ряд також де учинятся ослушны, то уже розыскивать и в застенке* (И.Т. Посошков); *...и учинился он [Мартин Лютер] сугубый еретик...* (там же); *А после, как Анна императрицею учинилась, сказывали, якобы он ей задолго корону провецал* (В.Н. Татищев); *...коими бы [способами] народ Российский, сколько возможно по человечеству, учинился во свете благополучнейшим* (Екатерина II).

Изменения в употреблении связочного глагола *чиниться–учиниться* оказались связаны с историей связочного глагола *делаться–сделаться*, который с 1730–1740-х гг. начинает быстро распространяться в русском языке, вытесняя *чиниться–учиниться*. Связочный глагол *чиниться–учиниться* стремительно сокращает свое употребление в текстах второй половины XVIII в. и превращается в стилистическое средство, которое стало использоваться для описания событий прошлого России или для создания торжественного характера речи.

Первые случаи употребления связочного глагола *делаться–сделаться* отмечены в конце XVI в., тем не менее до первой трети XVIII в. этот глагол в качестве связки практически не встречается. Во второй трети XVIII в.

начинается быстрое распространение нового связочного глагола, например: *Таже текучая вода зимою **сделается** твердым **камнем**, а верхи гор высоких во всякое время льдом и снегом покрыты...* (А.Д. Кантемир); *...и **зделались** великие князи **бесильны**, тогда татара, нашед, всеми обладали, литовские бывшею под властью многую часть от государства отторгнули* (В.Н. Татищев). Новый связочный глагол сочетался в XVIII в. преимущественно с новыми, продуктивными формами присвязочного имени – существительным и полным прилагательным в Тв. п. Процесс замены краткого прилагательного полным прилагательным в Тв. п. в сочетании с этим связочным глаголом особенно интенсивно протекал в последние два десятилетия XVIII в., например: *Чрез то **сделался бы он ненавистным** без всякого плода...* (А.Н. Радищев).

Ближе к рубежу XVIII–XIX вв. связочный глагол *делаться–сделаться* широко распространяется в письменных текстах и оттесняет на второй план связочный глагол *стать–становиться*. Однако это касалось формы совершенного вида: согласно проведенным подсчетам в первой половине XIX в. связка *сделаться* встречалась в 2 раза чаще, чем *стать*, в то время как связка *становиться* употреблялась в 2,5 раза чаще, чем *делаться*. Продуктивность связочного глагола *делаться–сделаться* начинает падать во второй половине XIX в. К этому времени связка *стать* утрачивает эмергенциальный оттенок и проходит процесс стилистической нейтрализации. К концу XIX в. связочный глагол *стать–становиться* употреблялся чаще, чем *делаться–сделаться*, в обеих видовых формах (соответственно в 2 и 3,5 раза чаще для формы совершенного и несовершенного вида). Выход из употребления связочного глагола *делаться–сделаться* продолжился в XX в., и к настоящему моменту его употребление стало редким.

Существование в разные периоды развития русского языка связочных глаголов *твориться–сотвориться*, *чиниться–учиниться*, *делаться–сделаться* для выражения приобретения признака наряду с существованием связочного глагола *стать–становиться* было обусловлено семантикой и стилистической окраской связки *стать*, которая, будучи разговорно-просторечной по своей окраске, выражала начинательность не в чистом виде, а с эмергенциальным модальным оттенком. Связка *становиться*, судя по всему, была лишена и эмергенциального оттенка, и разговорности. Возникновение в русском языке фазовых связок на основе глаголов соиздания провоцировалось не связочным глаголом *стать–становиться* в целом, а связкой *стать*.

Наличие в семантике связки *стать* не только разговорного оттенка, но и дополнительного смыслового компонента проявлялось в особенностях ее сочетаемости – левосторонней и правосторонней. Связки *сотвориться*, *учиниться*, *сделаться* преимущественно сочетались с личным подлежащим и с именной частью, выраженной существительным, тогда как связка *стать* изначально широко сочеталась с личным и неличным подлежащим и с именной частью, выраженной прилагательным. Например: *...и, **роспоровъ то платно и загнутое отправит, опять платно **хорошо** **станет**...*** (Домострой); *И егда*

исполнится 40 дней, то об одну ночь тѣло его земля будетъ, а кости **наги станут** (Хождение на Восток гостя Василия Позняка с товарищи). Существительное в составе присвязочной части в течение XVI–XVII вв. встречается очень редко, и даже в XVIII и XIX вв. связка *стать* преимущественно сочеталась с адъективами (в то время как связка *сделаться* – с субстантивами).

Вторая часть главы посвящена истории связочных глаголов, указывающих на сохранение предикативного признака неизменным. К их числу относятся связочные глаголы *остаться–оставаться, обретаться, находиться, пребыть–пребывать*. Формирование этой подгруппы фазовых связок происходило на основе предикатов местоположения, что обусловило особенности их семантики и сочетаемости. В древнерусском языке для выражения значения сохранения, неизменности преимущественно употреблялся глагол *пребыть–пребывать*, который, однако, имел диффузную семантику: в качестве связки он употреблялся в значении ‘быть, пребывать, сохраняться в каком-л. состоянии, положении’, ‘пребывать, оставаться, находиться где-л.’ (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18). Именная часть могла иметь различное выражение: краткие и полные формы прилагательного, компаратив, существительное в Им. п., Тв. п. и предложно-падежных формах. Наиболее часто встречались предложно-падежные формы существительного (особенно «в + Пр. п.») и краткое прилагательное. Например: *...и [Кучум] бѣзпомошенъ пребывъ и бѣзчестънъ, нудимъ нѣвидимую божиею силою, и помышляя бѣжати* (Семен Ремезов); *И сице **пребысть** до конца опасная **послушница**, яко и до дне смерти своя ни в чем повелѣния ея не ослушалася* (Повесть о боярыне Морозовой); *И сему тако бывшу, болны немало время в таковомъ бѣсовскомъ томлении **пребысть*** (Повесть о Савве Грудцыне).

В значении нахождения в каком-либо состоянии и в значении неизменности признака связочный глагол *пребыть–пребывать* продолжал употребляться и в XVIII в., например: *...но в одном сем только и **пребыл** владетель **непременен*** (Н.И. Новиков); *Между таковых похвальных воплей единый князь Яков Федорович Долгорукой в молчании **пребывал*** (М.М. Щербатов).

В течение XIX в. происходит постепенное вытеснение связочного глагола *пребыть–пребывать* на периферию системы связок. До середины XIX в. употребление этого связочного глагола отличается регулярностью, но далее начинается его угасание, особенно связки *пребыть*: с 1880-х гг. она становится редкой. Наоборот, связка *пребывать* продолжает довольно широко употребляться: на протяжении второй половины века она встречается примерно в 3,5 раза чаще, чем связка *пребыть*.

Основной причиной сокращения употребления связочного глагола *пребыть–пребывать* является его неоднозначность – в разных условиях он мог выражать два разных значения. Такая неоднозначность противоречила

усилению в русском языке аналитических тенденций, между тем составное именное сказуемое было важным элементом формировавшихся аналитических средств языка. Положение осложнялось тем, что хотя обе видовые формы (*пребыть* и *пребывать*) могли выражать оба значения, однако между видовой формой связки и преимущественным выражением одного из значений существовала несомненная связь, обусловленная тем, что форма совершенного вида была плохо приспособлена для выражения пребывания в каком-либо состоянии, поскольку состояние характеризуется временной длительностью и неизменностью. Развитие глагола *пребыть–пребывать* шло по пути утраты одного из основных значений ('быть, существовать; остаться, сохраниться'). Это значение было утрачено и при связочном употреблении: выражение значения неизменного существования предикативного признака полностью взял на себя связочный глагол *остаться–оставаться*.

Сужение семантики оказало влияние на изменение синтагматических свойств этих связок. Значение состояния преимущественно выражалось предложно-падежными формами существительного; чаще всего использовалась форма «в + Пр. п.», восходящая к переосмысленному обстоятельству места. Остальные формы постепенно уходили из употребления. Тем не менее уход из употребления кратких форм прилагательного был вызван не только сужением семантики глагола *пребыть–пребывать*, но и судьбой краткого прилагательного в русском языке, которое начиная с последней трети XVIII в. подверглось активному вытеснению новой предикативной формой прилагательного (полное прилагательное в Тв. п.). В отличие от новой предикативной формы прилагательного, краткое прилагательное было способно выражать и семантику состояния.

Наконец, одной из причин сокращения употребления связочного глагола *пребыть–пребывать* был стилистический фактор: этот связочный глагол имел книжную окраску и не употреблялся в разговорной речи. В ходе нескольких волн демократизации русского литературного языка в течение XIX–XX вв. он неизбежно должен был сузить сферу своего употребления. С первой половины XVIII в. конкуренцию связочному глаголу *пребыть–пребывать* при выражении значения пребывания в состоянии составила новая связка *находиться*, хотя и возникшая в рамках книжной речи, однако не имевшая оттенка высокой книжности. Отсутствие яркой стилистической маркированности способствовало тому, что связка *находиться* успешно вытесняла связочный глагол *пребыть–пребывать*.

Связочный глагол *остаться–оставаться* встречается в древнейших русских текстах и подобно глаголу *пребыть–пребывать* имел диффузную семантику, указывая как на продолжение пребывания в каком-л. состоянии, так и используясь в значении 'оказываться в каком-либо положении, состоянии'. Например: *О томъ милости у тебя, царю, прошу: при великой старости остались отец мой и матери, а тому нынѣ третьей годъ, какъ не въдаютъ про меня, гдѣ я, живъ ли или нет* (Повесть о Петре Златых ключей); ...да не

безгосударьни останемся, и недруги твоими окольними не будем восхищени (Повесть о семи мудрецах).

На начальном этапе своего существования параллельно связочному глаголу *остаться–оставаться* существовал глагол *остать–оставать* в том же значении, например: *Другий же царевич оста живъ...* (Казанская история); *...да не останетъ старая трапеза без божественнаго пения* (Хождение на Восток гостя Василия Познякава с товарищи). В XVII в. нереклексивный связочный глагол окончательно уходит из употребления. Глаголы *остаться–оставаться* и *остать–оставать*, как и глагол *пробыть–пробывать*, в древнерусском языке могли присоединять именную часть, выраженную различными способами, но и в XVI в., и в XVII в. ведущими способами выражения были предложно-падежные формы существительного и краткое прилагательное или причастие. Остальные формы очень редки. Употребление связочного глагола *остаться–оставаться* было редким до середины XVIII в.; со второй половины XVIII в. он начинает быстро распространяться, тесня глагол *пробыть–пробывать*. Употребление глагола *остаться–оставаться* постепенно закрепляется в значении ‘продолжать быть каким-, кем-, чем-либо’; в значении ‘оказываться в каком-либо положении, состоянии’ он заметно сокращает свое употребление, хотя продолжает сохранять его даже в современном русском языке.

Уже в XVIII в. связочный глагол *остаться–оставаться* обнаруживает тенденцию к расширению своей сочетаемости за счет существительного в Тв. п. (реже в Им. п.), полного прилагательного в Тв. п. (реже в Им. п.). Однако распространение новых предикативных форм существительного и прилагательного не вытеснило до конца старые способы выражения присвязочного имени: в современном русском языке ограниченно продолжает употребляться краткое прилагательное и широко – предложно-падежные формы существительного. В отношении своей широкой сочетаемости связочный глагол *остаться–оставаться* (вместе со связочным глаголом *оказаться–оказываться*) занимает особое место. Этот факт обусловлен как семантикой глагола, близкой к семантике связки *быть* и под ее влиянием развившей широкую дистрибуцию, так и тем, что глагол *остаться–оставаться* употребляется в русском языке также в качестве локативного предиката и часть предложно-падежных форм существительного в присвязочной позиции генетически восходит к обстоятельству места (особенно форма «в + Пр. п.»).

В главе III «История модальных связок» рассмотрен круг связочных глаголов, развивших способность к выражению различных модальных значений. Модальные связки представляют собой большую группу глагольных лексем, которые помимо констатации связи между предметом и предикативным признаком выражают дополнительную модусную информацию. Все модальные связки содержат указание на наблюдающего субъекта (М. А. Шелякин), то есть выступают в предложении выразителями модусной категории авторизации,

которая квалифицирует источник информации (информация оценивается как своя или чужая, а также по способу ее получения). На основе этого первичного смыслового слоя модальные связки развивают способность к выражению квалификативной категории персуазивности, содержащей оценку информации говорящим с точки зрения ее достоверности (Т. В. Шмелева).

Среди модальных связочных глаголов можно выделить две основные подгруппы. Одну из этих подгрупп формируют глаголы, выражающие значение мнимости, кажимости (*казаться–показаться, представляться–представиться, мниться, видеться, зреться, чудиться* и др.). Кажимость характеризуется двуплановостью, совмещением реального и кажущегося; ее когнитивная структура не только фиксирует объект чувственного восприятия наблюдателем, но и содержит оценку и интерпретацию объекта, оказавшегося в перцептивном поле наблюдателя. В рамках модуса кажимости, по наблюдениям Т. И. Семеновой, выделяются различные модусные ситуации: субъективное восприятие, нечеткое восприятие, иллюзорное восприятие, неуверенное мнение, «внутреннее» зрение, оценочное мнение, эвиденциальность.

Вторая подгруппа модальных связок группируется в современном русском языке вокруг глагола *оказаться–оказываться* и имеет значение обнаружения подлинности признака, приписываемого предмету (или, иначе, эмергенциальное значение). Эта подгруппа противопоставлена подгруппе связок со значением мнимости: если связки со значением мнимости выражают сомнение говорящего в подлинности связи между предметом и его признаком, то связки со значением обнаружения чаще всего указывают на преодоление говорящим этого сомнения (П. А. Лекант).

Модальные связки начинают активно формироваться позже, чем фазовые связки: их быстрое распространение отмечается с XVI в. Значение мнимости первоначально выражалось связками *видеться, зреться*. Обе связки представляли собой пассивные формы и имели исходное значение 'восприниматься зрением, быть видным'. На основе перцептивного значения развилось ментальное значение 'смотреться, восприниматься каким-л., чем-л.', например: *Видишися мнѣ ты не удаля, толко еси страшна: образъ твой страшит мя, улы моя во мнѣ трепещут на тобя смотря* (Повесть о споре жизни и смерти); *Тѣмъ и все Фочино начинание и доброта нелѣпотная явлѣшася и злообразно видѣшася* (Хроника Константина Манассии); *О храмава ваша! Создана на пѣсце отъ всѣхъ зрится* (А. Курбский).

Поскольку «чувственное восприятие, как универсальный канал получения информации, объективно по своей сути; вместе с тем отражение понимается не как дублирование, копирование, а как рефлексирование в другое...» (Т. И. Семенова), то глаголы восприятия легко ментализируются. Это явление имеет универсальный характер и отмечено в разных языках (Н. Д. Арутюнова).

Связки *видеться* и *зреться*, несмотря на более раннее происхождение, чем другие связки со значением мнимости, не стали ядром этой группы связок.

Уже в XVII в. связка *видеться* заметно потеснил новый связочный глагол *казаться–показаться*. Более или менее широкое употребление связки *видеться* отмечается до середины XVIII в., дальше ее употребление практически прекращается. Например: *Сия статья **видится** и не вельми **тяжка**, что чужое отдать без наддачи, а высоким персонам покажется за великую беду* (И.Т. Посошков); *И хотя сие число **видится** великое и им довольным быть надобно, но затем еше останется число немалое...* (В.Н. Татищев). Связка *зреться* на всем протяжении своего существования употреблялась редко и характеризовалась стилистической маркированностью, например: *...которые [иностранцы] **зрятся** по улицам **чернее** арапов...* (А.Д. Кантемир); *Житницы наполнены были хлебом, и земля **зрелась** дарами своими **покровенная**...* (Д.И. Фонвизин).

По-видимому, главной причиной, по которой связки *видеться* и *зреться* были вытеснены на периферию связочной системы, является особенность их семантики. Длительное время эти связки выражали значение, которое в современном русском языке выражается глаголом *выглядеть*. Глаголы *видеться* и *зреться* (как и современный связочный глагол *выглядеть*) не употреблялись в форме совершенного вида. Будучи по происхождению формой страдательного залога, глаголы *видеться* и *зреться* в течение долгого времени не могли присоединять к себе субъектную синтаксему в Д. п. (у собственно возвратных глаголов существительное в форме Д. п. со значением субъекта восприятия является результатом переосмысления адресатной формы). Большая часть примеров употребления этих связок, относящихся к XVII–XVIII вв., не содержат этой формы. Только во второй половине XIX в., видимо под влиянием связочного глагола *казаться–показаться*, эти глаголы начинают регулярно употребляться с субъектным распространителем.

Глагол *видеться* употребляется и в современном русском языке в значении ‘мысленно представляться, грезиться’. Это новое значение развилось во второй половине XIX в. в ходе повторного развития связочной функции у глагола *видеться*, например: *Осознание кризисов **растет** постепенно; цивилизация **видится** мне **упадком** культуры...* (А. Белый); *Крыша **видится** мне **черной** гиблой **льдиной**, на которой мы **затерялись**, оторванные от мира* (З. Прилепин).

Связочное употребление глагола *казаться–показаться* отмечается в древнерусскую эпоху, однако поначалу он был лишен ментального значения. Так, в предложениях *Сии оубо оць нашъ Феодосии стѣи. **побѣдоносць** **показася** в пещерѣ на злыя дѣхы* (Житие Феодосия Печерского); *На(ста)вникъ **показася** странамъ о҃че Феодосии. свѣтомъ являя бж(с)твная повелѣнья. князѣ оумоудряя* (Киево-Печерский патерик) глагол *казаться–показаться* употребляется в значении ‘проявиться, выказаться’ либо ‘предстать в качестве кого-либо’. Формант –ся имеет здесь собственно возвратное значение (=себя). К XVII в. у него формируется современное модальное значение, например: *О милая моя кралевна, прекрасное лице твое **видѣхъ**, и сердце мое*

*престрашилось, **показая** лице твое и красота **нечеловѣческая**, но **ангельская*** (Повесть о Петре Златых ключей). Развитие более отвлеченного значения ‘производить впечатление’, ‘представиться в мыслях’, ‘привидеться’ происходило в результате ослабления субъектной семы глагола в контекстах с неличным грамматическим субъектом.

Вплоть до первой четверти XVIII в. старое значение (‘являть себя’, ‘представать’), например: *И тако вкупѣ вси собравшися и твердыню сию занявше, **могутъ** над нами **побѣдители** **показатися*** (Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря) и новое (‘иметь или принимать вид’, ‘производить впечатление’) сосуществовали. Старое значение реализовывалось в церковно-книжной и торжественной письменности, новое – в текстах, испытывавших влияние разговорной речи (деловая письменность, переводные тексты и пр.).

Для связочного глагола в этих двух значениях была характерна разная сочетаемость с именной частью: в старом значении глагол *казаться–показаться* широко употреблялся с именем существительным в Им. п., в новом значении – с именем прилагательным. Формирование семантики связочного глагола *казаться–показаться* в общих чертах закончилось во второй половине XVIII в. Дальнейшее развитие этого глагола происходило по пути уточнения и некоторого сужения семантики. На начальном этапе связочный глагол *казаться–показаться* мог выражать весь спектр значений, связанных с ситуацией кажимости: субъективное восприятие, нечеткое восприятие, иллюзорное восприятие, неуверенное мнение, «внутреннее» зрение, оценочное мнение, эвиденциальность и др. В том числе и значения, выражение которых впоследствии закрепилось за иными глагольными лексемами: значение принятия ложного внешнего вида (‘притворяться’), значение представления в каком-либо виде (‘представляться’), значение ‘иметь вид, казаться на взгляд’ (‘выглядеть’) и др. Например: *...женщина же по платью **казалась** **азиатка*** (М.Д. Чулков); *Чтоб быть любезнее, мы **казались** как можно более **рассеянными**...* (В.Т. Нарезный).

Хотя связочный глагол *казаться–показаться* не утратил способности выражать разные аспекты кажимости в современном русском языке, все же можно говорить о том, что постепенно происходит его специализация для выражения двух основных значений – неуверенного восприятия предмета и его признаков и неуверенного умозаключения относительно объекта мысли. Главные изменения произошли в синтагматике *казаться–показаться*: под влиянием общих тенденций в системе составного именного сказуемого в присвязочной части этого связочного глагола в течение второй половины XVIII – XIX в. распространяются продуктивные формы – существительное и полное прилагательное в Тв. п.

Связочный глагол *представиться–представляться* семантически близок к глаголу *казаться–показаться*, что отражено в его лексикографическом описании (‘принимать какой-либо вид, выглядеть, казаться кем-, чем-либо’). Исследователи обращают внимание на стилистические различия между этими

связочными глаголами, отмечая книжный оттенок глагола *представиться–представляться*, что обуславливает его преимущественное использование в научном и публицистическом стиле – в научных и этических рассуждениях, в философской полемике и отчасти в официальных документах (В. И. Чернов, Т. Н. Голицына) для «выражения, изложения или обсуждения серьезных идей, важность которых осознается субъектом» (Ю. Д. Апресян).

Первые случаи употребления этого глагола в связочной функции относятся к середине XVIII в. Первоначально формант *–ся* в этом глаголе имел собственно возвратное значение (=себя), и, таким образом, глагол в связочной функции выражал значение ‘явить, показать себя’. К этому значению восходит основное значение глагола *представляться–представиться* ‘показываться, являться перед глазами’ (БАС. Т. 11); остальные значения (в том числе и связочное) производны от него. В значении ‘явить, показать себя’ этот связочный глагол использовался очень небольшой период времени, например: *Откуда явно, что изображение а, b, с вещи А, В, С, вне каморки лежащей, потоль бывает видно, пока лучи, от разных точек вещи исходящие, на стене несмешаны представляются* (М.В. Ломоносов). Далее происходит быстрый процесс ментализации связочного значения.

Вначале связочный глагол приобретает способность выражать впечатление от зрительного восприятия (в современном русском языке это значение выражается связкой *выглядеть*), например: *...тело его иногда виделось пронизательным, а иногда казалось плотным; виделось временем прикрытое платьем, а иногда представлялось нагим...* (М.Д. Чулков). На следующем этапе происходит перенос акцента с визуально воспринимаемых признаков объекта восприятия, на то, каким выглядит предмет в воображении человека (‘возникать в сознании в виде картины, рисоваться, воображаться’). Сдвиг в значении характеризовался изменением в сочетаемости связочного глагола – он начинает активно сочетаться с именами существительными, особенно часто с именной группой со стержневым словом «в виде», например: *...откуда видна цепь высочайших снежных гор, которые, будучи освещаемы солнцем, представляются в виде тонких красноватых облаков* (Н.М. Карамзин).

На следующем этапе своего развития глагол *представляться–представиться* подвергся ментализации, все больше превращаясь в эпистемический предикат, используемый для выражения мнения. Меняется область использования этого связочного глагола – наряду с описанием сферы воображения он начинает использоваться для описания рациональной сферы. Развитие абстрактного (ментального) значения в основном охватило форму несовершенного вида, поскольку происходило в рамках научной речи.

Значение ‘рисоваться’, ‘возникать в воображении в виде образа’ было ведущим значением связочного глагола *представляться–представиться* на протяжении первой половины XIX в., например: *Россия представлялась Ибрагиму огромной мастеровою, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом*

(А.С. Пушкин); Уляян *представился* ее воображению в том печальном виде, в котором она видела его в последний раз (А. Погорельский).

С середины XIX в. начинает активно распространяться возникшее еще в последней трети XVIII в. значение связочного глагола *представляться–представиться* как предиката мнения. Средой для возникновения и распространения более абстрактного значения стали научные формы речи, в которых не мог реализовываться визуальный компонент семантики этой глагольной связки. В результате этого процесса связки *представляться* и *представиться* функционально сближаются со связочным глаголом *казаться–показаться*. Новое значение реализовывала главным образом форма несовершенного вида (*представляться*); форма совершенного вида (*представиться*) употреблялась в новом значении гораздо реже.

Одним из следствий этого стало заметное увеличение количественной диспропорции при употреблении двух видовых форм связочного глагола: частотность употребления связки *представляться* к концу XIX в. многократно превышала частотность употребления связки *представиться* (14 : 1). Другим следствием развития нового значения стали изменения в сочетаемости связочного глагола: при выражении модуса мнения он преимущественно употребляется в сочетании с полными прилагательными в Тв. п., которые выражают оценку предмета субъектом мысли. Так как употребление в новом значении охватило главным образом форму несовершенного вида, тогда как форма совершенного вида продолжала употребляться в основном в старом значении, то к концу XIX в. сочетаемость двух видовых форм связочного глагола *представляться–представиться* начинает резко различаться. Различия в употреблении связок *представляться* и *представиться* прослеживаются, по наблюдениям Ю. Д. Апресяна, и в современном русском языке: значение ‘рисоваться’, ‘возникать в воображении в виде образа’ связочный глагол *представляться–представиться* регулярно выражает в современном русском языке при употреблении в форме совершенного вида (*представиться*).

Глагол *выглядеть* относится к числу связок, взявших на себя выражение некоторых значений связочного глагола *казаться–показаться*. Первые случаи его фиксации в русском языке в качестве связки датируются 1830-ми гг., например: ...*жаль только, что сами здания выглядят такими неопрятными и жалкими* (Ф.П. Врангель); *Ну, брат, каким же ты чучелом выглядишь!* (В.А. Соллогуб). Однако широкое распространение этой связки происходит лишь спустя несколько десятилетий. По своему происхождению глагол *выглядеть* является германизмом (*aussehen* ‘иметь вид’), который распространился вначале в речи жителей Петербурга, а ближе к концу XIX в. распространился повсеместно.

Несмотря на негативную оценку новой связки со стороны видных русских филологов второй половины XIX – начала XX в. (В. И. Классовский, А. Д. Галахов, Я. К. Грот, П. П. Гнедич, П. Д. Драганов и др.) варваризм *выглядеть* закрепился в русской речи. Этому процессу способствовал тот факт, что в течение XIX в. глагол *казаться–показаться* постепенно утрачивал

способность выражать значение ‘иметь вид’: выражение этого значения взял на себя новый связочный глагол. Позднее появление и распространение связки *выглядеть* обусловило ее сочетаемость с продуктивными предикативными формами присвязочного имени – Тв. предикативным существительного и полного прилагательного и компаративом. Остальные формы встречаются очень редко. К конструктивным особенностям связки *выглядеть* относится отсутствие коррелята совершенного вида и невозможность сочетаться с именем в Д. п. со значением субъекта восприятия. Эти особенности позволяют глаголу *выглядеть* выступать оптимальной формой выражения объективного впечатления, производимого кем-л. или чем-л. на любого наблюдателя (Ю. Д. Апресян).

Подгруппе глаголов со значением мнимости противопоставлена подгруппа эмергенциальных глагольных связок, которые оценивают приписываемый грамматическому субъекту признак как выявляемый, обнаруживаемый, открываемый. В истории русского языка модальное значение обнаружения выражалось специализированными связочными глаголами *обрестись*, *явиться*, *найтись*, *оказаться*. Специализированные связочные глаголы сформировали значение обнаружения на основе двух моделей: глаголы *обрестись* и *найтись* сформировали его на основе значения ‘быть найденным, обнаруженным’; *явиться*, *оказаться* – на основе значения самопроявления (‘показать, проявить, выявить себя’).

Наиболее древней из перечисленных связок является глагол *обрестись*. Его связочное употребление отмечается с XI в.: *Не видиль еси Х҃а, не ходиль еси по немь, како ученикъ его обрѣтесе* (Слово о законе и благодати митрополита Илариона). В связочном значении глагол *обрестись* довольно широко употреблялся до XVI в., например: *...и не посрамлена пред богомъ обрящуся здѣ и в будущий вѣкъ* (Степенная книга); *Аще бо нищій и убогий муж храберъ обрящется, богати того наричут безумна и буя...* (Стефанит и Ихнилат). В XVII в. сфера употребления связки *обрестись* становится более ограниченной – ее теснит связка *явиться*, которая в текстах XVII в. получает широкое распространение. Связка *обрестись* встречалась в XVII в. главным образом в жанрах, относящихся к высокой книжности. Например: *И [лед] елико прежде жесточайшъ и каменнь обретесе, толико послѣжде мягчайшъ и удоборастаянь показася* (Повесть об осаде Соловецкого монастыря).

К началу XVIII в. связочный глагол *обрестись* архаизировался и примерно тогда же начинается распространение связки *найтись*, образованной по той же модели, по которой ранее образовалась связка *обрестись*. На всем протяжении своей истории связка *обрестись* обнаруживала преимущественную сочетаемость с краткими формами прилагательного и причастия, остальные присвязочные формы были очень редки.

Первые случаи связочного употребления глагола *найтись* относятся к первой трети XVIII в.: *А кой двор между теми дворы найдетца иного приходу, то на тех воротах подписать мелом: того-то приходу...* (И.Т. Посошков); на

начальном этапе эта связка имела более конкретное значение ‘отыскаться’, которое следует признать первичным.

В течение XVIII – первой трети XIX в. связочное употребление глагола *найтись* было активным, далее происходит постепенный уход из употребления этой связки; в период своего расцвета связка *найтись* употреблялась с разнообразными формами присвязочного имени: наиболее часто употреблялось прилагательное или причастие (в краткой форме, а позже в полной форме в Тв. п.) и предложно-падежная форма существительного («в + Пр. п.»); остальные способы выражения встречаются редко. Например: *Может быть, что по употреблении [количественная просодия] найдется приятна* (А.Д. Кантемир); *...только ежели разобрать его [правило] в тонкость, то намерение его найдется странным* и клонящимся больше к умножению пороков, нежели добродетелей (Я.П. Козельский); *В то-то время мы найдемся в состоянии принести наичистейшую и горящую жертву благодарности Всевысочайшему Существу, нас создавшему...* (В.Т. Золотницкий).

В первой половине XIX в. употребление связки *найтись* становится редким, например: *Бутылка нашлась недостаточной для утоления нашей жажды...* (А.С. Пушкин), и в 1870-е гг. связочное употребление глагола *найтись* прекращается.

Развитие связочного значения у глагола *явиться* произошло на основе возвратной формы перцептивного глагола *явить*, который в древнерусском языке имел значения ‘показать, явить’, ‘предъявить’, ‘заявить’, ‘указать’ и целый ряд других. Связочное употребление развивалось у собственно-возвратной формы глагола на основе значения ‘показать, явить’; таким образом, исходным значением связки было значение ‘показаться, появиться’, ‘показать себя’, ‘предстать’ (И. И. Срезневский. Т. 3). Первоначально формант *-ся* при связочном употреблении глагола *явиться* имел собственно возвратное значение (=себя).

На протяжении длительного времени значение связочного глагола *явиться–являться* было контекстуально обусловлено. Значение ‘явить, показать себя’ обычно реализовывалось в предложениях с личным подлежащим, поскольку такое подлежащее указывало на источник признака, названного в именной части сказуемого, например: *...[епископ Лука] победник явися противным его [дьявола] стрелам...* (Лаврентьевская летопись, 1185 г.); *Прочее убо скажи ми притчу, како подобает блюстися от врага, иже лицемърием приятель являеться* (Стефанит и Ихниллат). Формант *-ся* в таких предложениях сохранял собственно-возвратное значение, и возвратный глагол не подвергался декаузативации. Преимущественное употребление в предложениях с личным подлежащим способствовало длительному сохранению у возвратного глагола семы активного субъекта.

Более отвлеченное значение ‘показаться, оказаться, предстать’ глагол *явиться–являться* реализовывал тогда, когда позицию подлежащего занимали существительные с неличным значением, которые не могли выступать каузатором глагольного действия, либо если личное подлежащее в силу разных

причин не могло быть источником признака, указанного в именной части сказуемого. Например: *...и **тяжескъ явися** ему [Ивану IV] путь той* (Казанская история); *Не имый же богатства скорбень есть всегда и **мерзок** всѣм является, и безумен и непоребен* (Стефанит и Ихниллат). В предложениях с неличным подлежащим происходила декаузативация глагола *явиться–являться*; формант *–ся* в этих случаях не мог интерпретироваться как возвратное местоимение, и значение ‘явить себя’ реализовывалось как ‘явиться, предстать перед чьими-то глазами’, становясь основой для развития субъективно-оценочного значения персуазивности.

В XVII в. связка *явиться* продолжала частично сохранять зависимость значения от семантики грамматического субъекта предложения. В сочетании с личным подлежащим связка могла выражать значение ‘показать, явить себя’. Например: *Бе же бо сий Борис Федоровичь мудростию украшен и к бранному ополчению зело искусен и во всѣхъ воинских исправлениихъ **непобѣдимый воевода явися*** (Повесть о житии царя Федора Ивановича). В предложениях с неличным подлежащим связка *явиться* могла иметь значение ‘предстать, явиться перед глазами’: *...киновия прочее **пуста** иноческаго чина, церкви же **пусты** поющихъ **явивиися**, яко нѣкая сѣнь в виноградѣ, или овощное хранилище в вертограде, или градъ оборень и опустошень, не благолѣпна, но безъобразна показася* (Повесть об осаде Соловецкого монастыря). Такое употребление было присуще, однако, только высоким жанрам, в которых связка *явиться* продолжала употребляться в своем исконном значении.

В тех жанрах, которые ориентировались на разговорные формы речи, связка *явиться* употреблялась в значении обнаружения независимо от типа грамматического субъекта – личного или неличного. Например: *И егда **здравъ** болны **явитца**, повелѣваетъ возвѣстити себѣ* (Повесть о Савве Грудцыне); *...а проспався, [пьяный] душою **явится** **скареден** и **тлѣненъ**, а главою **болень**, а телесными удесы **дробень**, а сердцем **тосклив** и **скорбень**, а умом **уныл** и **печалень*** (Послание о хмеле).

Расцвет связочного употребления глагола *явиться* в значении обнаружения приходится на первую и вторую треть XVIII в., например: *А буде кои люди **явятся** **богохульники**... то таковым не надлежит живу быть ни суток, но, из застенка вынув, и казнить их...* (И.Т. Посошков); *И из оного усмотря, что отправленная отсюда вишня привозом **явилась** **помятая**, я сердечно сожалею...* (В.Н. Татищев). В это время связка имеет широкую сочетаемость.

Во второй половине XVIII в. происходит постепенное угасание связки *явиться*: в 1750–1760-е гг. она еще продолжает активно употребляться, но с 1770-х гг. ее продуктивность резко падает, и она постепенно превращается в стилистическое средство, а позже практически исчезает из употребления, вытесненная новыми связками с тем же значением – связкой *оказаться* и *найтись*. Выход из употребления связки *явиться* происходил неравномерно в разных функциональных стилях: более устойчивой она оказалась в деловом

языке, но в целом можно утверждать, что к концу XVIII в. эта связка вышла из системы связочных средств русского языка, хотя изредка продолжала употребляться в стилистических целях. Рубежом, после которого она перестает встречаться в значении обнаружения, можно считать 1820–1830-е гг.

Развитие связочного употребления глагола *оказаться* происходило по той же модели, что и у глагола *явиться*. Начало употребления глагола *оказаться* относится к XVII в., но в связочной функции в эту эпоху он не отмечен. Первые случаи употребления *оказаться* в качестве связки относятся к 1730–1740-м гг.: ...*письмо от 10-го сего, извещавшее, что она [эскадра] уехала, оказалось неосновательным...* (А.Д. Кантемир). Первоначально возвратный глагол *оказаться–оказываться* в функции связки имел значение ‘показать, проявить себя’ и формант *–ся* имел в нем собственно-возвратное значение. Это значение было производно от значения глагола *оказать* ‘обнаружить, проявить (какое-л. внутреннее качество, свойство)’ (Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16). В результате декаузативации он развивает более абстрактное значение ‘обнаружиться, проявиться’.

Хотя первые случаи связочного употребления глагола *оказаться–оказываться* относятся к первой половине XVIII в., более века, примерно до 1860-х гг., такое употребление оставалось редким. Это свидетельствует о том, что на протяжении длительного времени этот глагол имел более конкретное значение, чем в современном русском языке. В конструкциях с личным подлежащим он сохранял исходное значение ‘показать, проявить себя’, например: *По сей причине тот, кто чрез отменное дарование и труд несравненно превосходнейшим других в науке оказался, без сомнения, мог снискать себе довольно последователей...* (И.А. Третьяков); ...*Звенислав на подвигах с непобедимыми его [русского государя] богатырями Добрынею, Чурилою, Алешею и прочими оказался не только им не уступающим, но, может быть, и превосходящим* (В.А. Левшин). На сохранение старого значения указывает возможность замены *оказаться* на *оказать себя*, например: ...*[Димитрий Кантемир] пред кончиною своею просил Петра Великого определить наследником в его имени того из сынов его, который рачением своим к наукам окажет себя способнейшим к государственной службе* (Н.И. Новиков).

В конструкциях с неличным грамматическим субъектом глагол *оказаться–оказываться* реализовывал более абстрактное значение ‘обнаружиться, проявиться’, например: *Сей слух оказался ложен и взят оттого, что Франклин действительно был, неизвестно зачем, призван в Версаль* (Д.И. Фонвизин). В течение первой трети XIX в. это более абстрактное значение закрепляется за лексемой в целом. Начиная с 1830-х гг. происходит резкий количественный рост употребления связки *оказаться*, который сопровождался одновременным выходом из употребления синонимичных связок *явиться* и *найтись*. Связочный глагол *оказаться–оказываться* начинает широко употребляться не только в форме совершенного вида (*оказаться*), но и в форме несовершенного вида (*оказываться*): в первой половине XIX в.

соотношение частотности употребления форм *оказаться* и *оказываться* составляло 6 : 1, но ближе к концу века различие в частотности употребления этих форм существенно сократилось, составив 3 : 1. Произошло существенное расширение сочетаемостных возможностей связочного глагола *оказаться–оказываться*.

В течение XIX в. основными способами выражения присвязочной части становятся полное прилагательное в Тв. п., существительное в Тв. п., компаратив и предложно-падежные формы существительного; изредка встречаются существительное в Им. п., краткое прилагательное, полное прилагательное в Им. п. и некоторые другие формы. По своим сочетательным возможностям связочный глагол *оказаться–оказываться* занимает одно из ведущих мест среди полужнаменательных связок. Как и в случае со связочным глаголом *остаться–оставаться*, эта дистрибутивная особенность *оказаться–оказываться* обусловлена семантикой глагола, близкой к семантике связки *быть* и под ее влиянием развившем широкую дистрибуцию. По-видимому, этим же объясняется тот факт, что связочный глагол *оказаться–оказываться* в течение XVIII–XIX вв. расширяет свои дистрибутивные возможности и начинает вводиться в различные типы русского предложения: предложения количественной характеристики, безличные и безлично-инфинитивные предложения, предложения, выражающие бытийные, локативные и посессивные отношения. Способность глагола *оказаться–оказываться* употребляться в русском языке в качестве локативного предиката способствовала употреблению в качестве именной части предложно-падежных форм существительного, так как большая часть этих форм является метафорически переосмысленными обстоятельствами места.

Отдельное место среди модальных связок занимают связки *считаться* и *почитаться*, которые используются для выражения «общего мнения» (П. А. Лекант). В отличие от других модальных связок, эти связки не содержат указания на фигуру наблюдателя, сближаясь в этом отношении с логическими связками. Автором оценки является не индивидуальный, а коллективный субъект: «субъект, расширенный до социума, оценивает бытующий факт» (Ю. А. Горельникова). Значение мнимости, недостоверности проявляется у связочных глаголов *считаться* и *почитаться* нерегулярно: с одной стороны, связь между предметом и его признаком представлена как объективная; с другой стороны, связочные глаголы типа *считаться* оценивают связь между предметом и признаком как коллективную оценку, обнаруживая тем самым «оттенок условленности, интерпретации чужого слова» (Л. В. Попова).

Формирование связок общего мнения относится к поздним языковым явлениям: в отличие от других модальных связок, они почти не представлены в русском языке до XVIII в. В древнерусском языке в значении ‘считаться’, ‘почитаться’ изредка употреблялся глагол *вмениться–вменяться*, например: *Аще бо великоумный мужъ и благоподателный не на дълго житие проводить, но дългоживотень вмъняется...* (Стефанит и Ихнилат). Этот глагол

продолжал изредка употребляться вплоть до конца XVIII в.; например: *Если хорошо чистишь, то **вменяется** сие в половину корма* (М.В. Ломоносов).

В XVI–XVII вв. способность к связочному употреблению развивают глаголы *считаться* и *почитаться*. Глагол *почитаться* раньше развил связочное значение: словари отмечают его использование в значении ‘расцениваться, восприниматься каким-либо образом, считаться’ со второй половины XVI в. (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18), например: *Аз же глаголю, яко не добре, по сему первое яко гордыни есть и величания образ, еже подобно царьстей власти **церковью и гробницею и покровом почитатися*** (Иван Грозный). Это значение глагола *почитаться* является производным от значения ‘считать, думать, полагать’ глагола *почитать*, которое фиксируется словарями с XVI в. Глагол *считаться* распространился в связочном употреблении позже и был очень редок: *И от того, что малы ее ноги, такъ прекрасная была, что после смерти **межь богиновъ китайскихъ и считается*** (Н.Г. Спафарий).

В XVIII в., особенно ближе к середине века, происходит резкое расширение активности связок общего мнения, что было обусловлено формированием языка науки и публицистики: именно в научных и публицистических текстах отмечается наиболее широкое употребление этих связок. Процесс расширения употребления связок общего мнения сопровождался резким увеличением их числа: кроме связок *вменяться*, *почитаться*, *считаться*, во второй и последней трети XVIII в. способность к выражению общего мнения в составном именном сказуемом развивают глаголы *полагаться*, *поставляться*, *признаваться*, *приниматься*, *разуметься*, *числиться*. Однако их употребление практически не вышло за рубеж XVIII–XIX вв.

В текстах XVIII в. ведущим связочным глаголом, выражавшим значение общего мнения, был глагол *почитаться–почесться*, который употреблялся почти исключительно в форме несовершенного вида, например: *Что неприятель двадцать четыре часа или сутки в своем владении имел, оно **почитается за добычь*** (Артикул воинский). В первой половине XVIII в. связка *почитаться* встречалась примерно в 10 раз чаще, чем связка *считаться*.

До начала XIX в. связка *почитаться* была самой продуктивной среди связок общего мнения и значительно превосходила по частотности употребления связку *считаться*. Картина резко меняется в первой половине XIX в., особенно начиная с 1830-х гг., когда связка *почитаться* начинает быстро сдавать свои позиции, заменяясь связкой *считаться*. Наиболее вероятной причиной этого процесса было стремление языка избавиться от омонимии: связка *почитаться* совпадала со страдательной формой глагола *почитать* в значении ‘уважать кого-, что-либо, относиться с почтением к кому-, чему-либо’ (БАС. Т. 10). Отсутствие у связки *считаться* подобной омонимии стало решающим фактором для закрепления именно ее в системе основных связок русского языка. В современном русском языке связка *почитаться* является архаизмом и используется в целях стилизации.

На протяжении XVIII–XIX вв. произошло существенное изменение сочетаемости связок *считаться* и *почитаться*. Развитие сочетаемости этих связок происходило параллельно. Лишь в первой половине XVIII в. можно выявить заметные различия в их сочетаемости: связка *почитаться* тяготела к сочетанию с предложно-падежными формами существительного и прилагательного, особенно с формой «за + В. п.», например: *Древле фраков народы за жесточайших и суровейших почитались* (А.Д. Кантемир); *Как sie разуметь, еже бы умеренность в надлежащем за добродетель, а избыток или надлежащаго недостаток за грех по закону почитаться имеет; из учения бо церковнаго видно, часто уменьшение требуемаго за добродетель почитается?* (В.Н. Татищев). Связка *считаться* чаще употреблялась с Тв. предикативным существительного и прилагательного, например: *Эта госпожа с месяц тому назад на родинах сына, который вообще здесь считается королевским, умерла...* (А.Д. Кантемир).

Вторая половина XVIII в. демонстрирует значительное нивелирование различий в их сочетаемости: обе связки обнаруживают широкое распространение в присвязочной позиции Тв. предикативного на месте предложно-падежных форм, этот процесс продолжился и в XIX в. Например: *Литвины в Малороссии считаются обманщиками и бессовестными людьми, так что назвать кого-либо литвином почитается ругательством* (В.Т. Нарезный).

Из предложно-падежных форм наибольшую устойчивость показала форма «за + В. п.»: ее употребление до сих пор возможно в русском языке. Этой форме присущ архаический оттенок, поэтому она шире встречается в сочетании со связкой *почитаться*, например: *Изменить своему знамени и перейти под чужое тогда почиталось за дело вполне бесчестное...* (Н.С. Лесков).

Связки общего мнения *считаться* и *почитаться* обнаруживают преимущественную сочетаемость с существительным и полными прилагательными в Тв. п. Среди прилагательных значительное место занимают суперлативные формы, например: *Самыми тяжкими считаются плотницкие работы* (А.П. Чехов). Преимущественная сочетаемость с существительным указывает на классифицирующую семантику связок общего мнения, что сближает их с логическими связками. На близость к логическим связкам указывает также их употребление в форме несовершенного вида, преимущественно в форме 3 л.

Глава IV «История логических связок» посвящена истории образования трех глагольных связок – *служить*, *являться*, *значить*. Логические связки резко противопоставлены по ряду параметров фазисным и модальным связкам. Прежде всего, все логические связки лишены указания на фигуру наблюдателя. Именные предложения, оформляемые с участием фазисных и модальных связок, хотя и относятся к числу выразителей логической пропозиции характеристики, однако благодаря указанию на

наблюдаемость предметов, не полностью отделены от предложений, выражающих событийные пропозиции. Логические связки обслуживают предложения, которые являются выразителями различных логических пропозиций (таксономические, тождества, подобия, каузальные и др.).

Основной сферой использования логических связок являются биноминативные предложения, в которых смысловые отношения рождаются в результате сопряжения семантики двух существительных; семантика этих существительных является производным обобщенной семантики класса существительного и его формы (падеж, предлог). Глаголы, выступающие в составе биноминативных предложений, не столько формируют логические отношения между двумя именами, сколько их манифестируют, закрепляют, то есть выступают в качестве показателя, индикатора логической операции.

Особенности функционирования логических связок ведут к двум очень важным следствиям. Во-первых, для логических связок характерна ослабленность глагольных категорий – вида, наклонения, времени, лица, числа. Наиболее регулярно логические связки выступают в форме изъявительного наклонения, настоящего времени, 3 лица, единственного числа. Ослабление глагольных категорий ведет к их сближению с глагольными частицами. Показательно, что втягивание неглагольных элементов в позицию связки (слова *это*, *вот*) происходит в сфере именно логических связок.

Во-вторых, многие глаголы, участвующие в выражении логического значения, не способны к сочетанию с предикативными формами имени, которым свойственно выражать самое общее значение признака. При выражении логических пропозиций очень важной оказывается семантика (предложно-)падежной формы существительного, занимающего позицию предиката. Для глаголов, употребляющихся с предложно-падежными формами имени, предлагается термин «неспециализированные связки»; утверждается, что форма присвязочного компонента при употреблении этих связок «обусловлена “управляющими особенностями” связки и не допускает варьирования» (П.А. Лекант). Однако применительно к подобным случаям есть не меньше оснований говорить о том, что не столько глагол определяет форму присвязочного имени, сколько форма и семантика присвязочного имени обуславливает отбор в языке глаголов, способных закреплять выражаемое значение. Именно этим можно объяснить тот факт, что неспециализированные связки не обнаруживают тенденции к развитию сочетаемости с Им. и Тв. п. имени существительного.

Число связочных слов, участвующих в именных предложениях для выражения логических значений, велико и представляет собой открытый класс, активно пополнявшийся в течение XVIII–XX вв.: *состоять*, *закключаться*, *принадлежать к*, *составлять*, *представлять собой*, *относиться к*, *служить*, *являться* и мн. др. В диссертации рассмотрена история только тех логических связок, которые приобрели способность сочетаться с предикативными формами имени существительного.

Формирование связочного глагола *служить–послужить* происходило в силу возникшей необходимости выразить функциональную характеристику предмета. Эта необходимость не в последнюю очередь была вызвана началом развития научного познания мира, главной целью которого является выявление закономерностей, вскрытие причинно-следственных связей между явлениями жизни. В истории превращения глагола *служить–послужить* в связку можно выделить два аспекта: первый из них связан с развитием у него абстрактного значения, второй – с приобретением глаголом *служить–послужить* синтагматики связочных глаголов, то есть с развитием способности сочетаться с именами существительными в Тв. п. без предлога.

Развитие у этого глагола абстрактного значения предшествовало его превращению в полноценную связку. Уже в текстах XVII в. отмечается употребление глагола *служить–послужить* в значении ‘быть пригодным’. Происходило это в предложениях с неличным подлежащим, где глагол не мог реализовывать исходные значения ‘находиться на службе, в услужении (у кого-либо); выполнять работу; прислуживать’ и ‘действовать для чей-либо пользы, во благо кому-либо’. Развитие абстрактного значения, как можно предположить, происходило на основе второго значения.

В первой половине XVIII в. глагол *служить–послужить* встречается почти исключительно в сочетании с предложно-падежной формой существительного – абстрактной или конкретной семантики. Наиболее распространенной формой существительного абстрактной семантики была форма «к + Д. п.», например: *Напоследок те, которые к сохранению добраго дружества служат, имянуются правила любви, учтивости и пристойности* (В.Н. Татищев). Реже абстрактное существительное использовалось в другой предложно-падежной форме, например «в + В. п.»: *Сия правда не требует никаких доказательств так, как первые принципы, которые служат в доказательство прочим правдам, не так ясным* (А.Д. Кантемир). Вместо абстрактного существительного позицию при глаголе *служить–послужить* мог занимать инфинитив или предикативная конструкция. Например: *Ноздри служат дышать и нюхать* (А.Д. Кантемир).

Существительные конкретной семантики выступали при глаголе *служить–послужить* в форме «вместо + Р. п.» или «за + В. п.». В обоих случаях конструкция выражала значение замещения («в качестве»). Например: *При сем посылаю письмо на имя господина профессора Гмелина, которое служить вместо предисловия может...* (В.Н. Татищев); *...ибо некогда обнадеживание или порадование болящему за лекарство послужит* (В.Н. Татищев).

В первой половине XVIII в. в качестве присвязочной части практически не встречается имя существительное в Тв. п. без предлога, но ближе к середине XVIII в. отмечаются первые случаи такого употребления; например: *...[я] изъяснил ему атенцию в.и.в. к шведскому вопросу и ваши древние и новые права на области, которые, кажется, служат причиною склонности к войне...* (А.Д. Кантемир).

Во второй половине XVIII в. именные конструкции с глаголом *служить*–*послужить* получают широкое распространение. В приглагольной позиции продолжают широко употребляться предложно-падежные формы «к + Д. п.» и «вместо + Р. п.» (форма «за + В. п.» уходит из активного употребления), наряду с ними начинают распространяться и другие предложно-падежные формы существительного («в + В. п.», «на + В. п.», «для + Р. п.»), например: *...не думай, что я бессилён и не в состоянии отмицевать тому, кто весьма нагло со мною поступает, чему в доказательство служит держимая мною голова...* (М.Д. Чулков); *...и злато, в войсках рассыпаемое, служило на изваяние оков, налагаемых на вселенную неограниченным самовластием* (Д.И. Фонвизин). Кроме того, начинается широкое распространение существительных в форме Тв. беспредложного.

Распространение Тв. п. без предлога происходило на месте двух основных предложно-падежных форм: «вместо + Р. п.» и «к + Д. п.». Особенно легко заменялась форма «вместо + Р. п.», так как ее заместительное значение близко к Тв. беспредложному в инструментальном значении или значении способа действия. Например: *Ветренность и непостоянство женщин служат им вместо забавы, и они в собраниях только для увеселения о том друг другу рассказывают* (И.А. Крылов) – *...где разность материй не требует непрерывного внимания, а паче может служить мне забавою* (Д.И. Фонвизин).

Тв. беспредложный начинает распространяться и на месте предложно-падежной формы «к + Д. п.». Замена формы «к + Д.п.» формой Тв. п. без предлога происходила несколькими способами. В некоторых случаях происходила прямая замена тем же существительным в Тв. п, например: *Господин Волф рассуждает, что к доказательству равновесия весьма служит юнгникелев опыт, предложенный от него в его книге, называемой Ключ махин* (М.В. Ломоносов) – *«Недоросль» мой, между прочим, служит тому доказательством...* (Д.И. Фонвизин). Однако такая замена возможна только в случае метонимического сдвига, который происходит при переходе абстрактного существительного в разряд конкретных.

В других случаях прямая замена формы «к + Д. п.» творительным беспредложным была невозможна либо потому, что абстрактное существительное было не способно к развитию конкретного значения, либо потому, что конкретное существительное имело значение, которое не могло выступать в позиции Тв. беспредложного. Язык искал другие способы замены предложно-падежных сочетаний. Одним из таких способов была замена абстрактного существительного конкретным существительным с тем же корнем, например: «к защищению» → «защитой». Однако и этот способ был возможен далеко не всегда, поэтому язык вырабатывает набор слов-классификаторов функциональной семантики типа *способ, средство, пример, орудие, руководство* и т. д., которые вводятся в сочетания глагола *служить*–*послужить* с существительным в форме «к + Д. п.», например: *...но не рождают они [деньги] еще никаких новых потребностей, а служат только*

способом к удовлетворению уже обретающихся (Н.И. Новиков). Набор таких функциональных классификаторов во второй половине XVIII в. был очень невелик и активно пополнялся в XIX в.

В первой половине XIX в. тенденция к замене сочетания «к + Д. п.» творительным беспредложным усиливается. Частотность предложно-падежной формы «к + Д. п.» резко снижается, хотя употребление ее в первой половине века не прекращается полностью; например: *Итак, помни, что ты обязан жертвовать собою на пользу своего отечества и тех начал, которые могут служить к упрочению его благосостояния* (В.А. Соллогуб). Не полностью уходит из употребления и форма «вместо + Р. п.»: ...**вместо простыни служила** большая выделанная кожа, а **вместо одеяла** лоскут парусины (В.Т. Нарезный).

В первой половине XIX в. происходит увеличение числа слов-классификаторов функциональной семантики и расширение их употребления в сочетании с глаголом *служить–послужить*. Некоторые из этих слов, известные еще в языке второй половины XVIII в., широко распространяются в языке этого периода. Кроме того, встречается более 100 новых слов: *артерия, введение, воспоминание, вход, выражение, выход, граница, довод, документ, дополнение* и мн. др.

Дальнейшее развитие именных конструкций с глаголом *служить–послужить* шло по пути дальнейшего сокращения употребления формы «к + Д. п.», которая к концу XIX в. практически выходит из употребления. Постепенно уходит из употребления и форма «вместо + Р. п.». В текстах конца XIX в. случаи ее употребления становятся единичными. В противоположность этому во второй половине XIX в. регулярно встречается форма «для + Р. п.»; ее употребление по сравнению с первой половиной века не претерпело заметных изменений: *В них была вся сила, а горные инженеры и разное начальство служили только для декорации* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). Формы «в + В. п.» и «на + В. п.» встречаются очень ограниченно и склонны к фразеологизации, употребляясь с одним и тем же ограниченным кругом слов: «в помощь», «во вред», «в пользу», «на пользу». Ведущей формой выражения приглагольного компонента в конструкции с глаголом *служить–послужить* к концу XIX в. становится Тв. беспредложный. Число слов функциональной семантики в сочетании с этой связкой увеличивается еще больше, пополняясь на протяжении второй половины века такими словами, как: *аргумент, возражение, воплощение, вступление, гарантия, двигатель* и др. Например: *Впрочем, дети еще туда-сюда: для них устные рассказы старожил подспорьем послужат; но внуки – те положительно ничему в этой истории не поверят* (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Формирование связки *являться* происходит не ранее XIX в. В современном русском языке связка *являться* считается одной из наиболее употребительных среди глагольных связок. Традиционно связку относят к разряду полузнаменательных, хотя некоторые исследователи (Н. Ю. Шведова, Г. Н. Груднева) предлагают относить ее к разряду идеальных связок (наряду со

связкой *быть*). Отвлеченный характер связочного значения глагола *являться* отражается в ее лексикографическом описании; значение связки *являться* определяется как *быть, служить чем-нибудь* (Д. Н. Ушаков), *‘быть, служить, становиться чем-либо’* (БАС. Т. 17), *‘быть кем-, чем-л., представлять собой кого-, что-л.’* (МАС. Т. 4). А. М. Пешковский определял значение связки *являться* как *‘обнаруживать свое бытие’*; Л. В. Попова отмечает у этого связочного глагола оттенки «показа, предъявления, презентации».

От связки *быть* связку *являться* отличает ограниченность конструкций, в которых она способна выступать. В современном русском языке именной компонент в конструкциях с глагольной связкой *являться* представлен существительными двух семантических типов: 1) именами абстрактного значения, метафорически характеризующими личный / неличный субъект высказывания и 2) именами классификационной семантики в предложениях с личным субъектом (М. В. Коротаева). Отмечается преимущественное использование связки *являться* «в информативном регистре с целью первого знакомства с каким-либо лицом (предметом)» (Л. В. Попова): связка сочетается преимущественно с именами существительными квалификационного или понятийного значения и не обнаруживает тенденции к сочетанию с существительными оценочной семантики.

Развитие абстрактного значения связки *являться* происходило в результате сочетания глагола с отвлеченной лексикой. Ментализированный характер отвлеченной лексики препятствует реализации семы «показа», заложенной в семантике глагола, и, таким образом, у него происходит развитие абстрактного значения. Первоначально реализация абстрактного значения была контекстуально ограниченной. В предложениях с личным подлежащим и отчасти с неличным подлежащим реализовывалось более конкретное, модальное значение связочного глагола *являться* *‘оказываться, представлять, быть кем-либо, каким-либо’* (БАС. Т. 17). Например: *До сих пор молодой Адуев является больше провинциалом, нежели романтиком* (В.Г. Белинский); *А на его стороне, кажется, и талант, и избыток душевных сил... а дядя является исполином в сравнении с ним* (И.А. Гончаров); *Скажу более: чем покорнее судьбе является в этом случае любимая женщина, тем тяжелее будет камень на сердце вашем...* (М.Е. Салтыков-Щедрин).

В предложениях с личным подлежащим в составе именной части чаще всего выступало существительное в форме Тв. п., значение которой близко к значению сравнения, сопоставления, поэтому связка *являться* используется в значении *предстать*, реже реализуется более абстрактное значение *оказываться*. На это указывает параллельное употребление в конструкциях со связкой *являться* в языке этого же периода именных групп с опорным словом «в виде», которое распространяется существительным в Р. п. или прилагательным; например: *А и того еще хуже (с нами сила крестная!), если в виде польского пана являлся тебе злой искуситель* (О.М. Сомов). Особенностью конструкций именного сказуемого со связкой *являться* при личном субъекте следует признать наличие в предложениях локализаторов,

которые уточняют границы проявления признака. В целом можно констатировать, что связка *являться* в таких предложениях сохраняла сему «показа».

Предложения с неличным подлежащим в семантическом отношении представляют более пеструю группу. В одних случаях связка *являться* реализовывала более конкретное значение: *Основание псевдоклассической французской теории заключалось в понятии, что природа должна **являться** в искусстве украшенной и облагороженной* (В.Г. Белинский), в других случаях – более абстрактное значение: *Такое раздвоение теории и практики, идеала и жизни наиболее **является** необходимым в эпохи переходные...* (В.Г. Белинский); *...любовь **является** ему спасительным **средством примирения** и принимает то значение, которым она пользуется в обществе* (М.Е. Салтыков-Щедрин). Именно те контексты с неличными подлежащими, где не могло реализовываться значение представления, стали основой для формирования современного значения связки *являться*.

Судя по всему, 1870-е годы оказываются тем рубежом, когда у глагола *явиться–являться* начинает активно формироваться отвлеченное значение. Приобретая абстрактное значение в конструкциях с отвлеченным неличным субъектом, глагол начинает изменять свое значение и в конструкциях с личным субъектом, следствием чего стало прекращение употребления существительных с оценочным значением в этих конструкциях. С 1880–1900-х гг. начинается быстрое распространение связочного глагола *явиться–являться*. Число примеров с ним возрастает многократно, что является доказательством закрепления у него более отвлеченного значения. Резко возрастает число случаев употребления глагола *явиться–являться* в связочной функции при неличном субъекте. Такие контексты, широко представленные в научной и публицистической речи, были основой для закрепления более абстрактного значения связочного глагола *явиться–являться*, который в этом случае чаще выступал в форме несовершенного вида. Присвязочный член в предложениях с неличным субъектом все чаще выражается существительным отвлеченной семантики, например: *Вообще звуки и цвета **являются символами** одинаковых душевных движений* (В.Г. Короленко).

Старое значение дольше сохранялось в конструкциях с личным подлежащим, например: *В «Бесах», в «Карамазовых» и «Сне смешного человека» он [Достоевский] **является** нам **старцем-мечтателем**, анализ которого точно пробуравил самое дно «сложения человеческого»...* (В.В. Розанов), однако ближе к концу XIX в. и в этом случае чаще реализовывалось абстрактное значение связки *являться*, например: *...я **являлся символом** и **спутником** всем надоевшего, всех истомившего страдания и, как олицетворение этого страдания, я стал ненавистен и противен* (В.В. Вересаев).

В современном русском языке глагол *явиться–являться* получил очень широкое распространение, причем формы 3 лица настоящего времени связки *являться* заметно преобладают. Сфера употребления связочного глагола

являться четко ограничена несколькими стилями письменного литературного языка – научным, официально-деловым и отчасти публицистическим, то есть теми типами текстов, где эта связка и сформировалась.

Развитие у глагола *значить* связочной функции было вызвано изменениями в грамматической системе русского языка. С середины XVIII в. происходит расширение синтаксических функций инфинитива за счет употребления в позиции подлежащего. Предложения, в которых подлежащее и именная часть сказуемого были выражены инфинитивом, требовали введения в свой состав связочного средства, которым не мог быть глагол *быть* из-за разрушения у него форм настоящего времени. В русском языке начинается отбор лексем, которые могли бы выполнять функцию связки в биинфинитивном предложении. В середине XVIII в. фиксируются первые случаи использования связки *значит*: ...*причислить стихотворцев к сатирам и фавнов не ино значит, разве произвести стихотворцев* (А.Д. Кантемир).

О новизне биинфинитивной конструкции говорит тот факт, что помимо глагола *значить* в ней во второй половине XVIII в. могли употребляться и некоторые другие глаголы – глаголы *называться* и *разуметься*, а также связочное сочетание *есть не что иное, как*. Однако именно глагол *значить* становится основным связочным средством в биинфинитивных предложениях. Редкость употребления биинфинитивных предложений в XVIII в. обусловила очень небольшое число случаев употребления связочного глагола *значить*, например: *Отнять от души сродное делание – значит ее лишить живности своей* (Григорий Сковорода); *Помысли, что нас судят в наших друзьях; выбрать друга значит дать обществу свой образ и открыть свое сердце* (И.А. Крылов).

Со второй четверти XIX в. случаев употребления глагола *значить* в качестве связки в конструкциях с двумя инфинитивами становится заметно больше. В отличие от XVIII в., когда глагол *значить* встречается лишь в форме настоящего времени, в первой половине XIX в. он встречается также в форме прошедшего времени (*значило*), сослагательного наклонения (*значило бы*) и изредка в форме будущего времени (*будет значить*). Например: *Винокур верил всем приметам, и тотчас прогнать человека, уже севшего на лавку, значило у него накликать беду* (Н.В. Гоголь); *И однако ж, несмотря на то, сказать, чтобы у нас совсем не было общества, значило бы сказать неправду* (В.Г. Белинский).

На распространение в русском языке биинфинитивных предложений со связкой *значить* оказали влияние несколько факторов. Во-первых, этому способствовало расширение круга смысловых отношений, выражаемых биинфинитивным предложением с этой связкой: этот тип предложения начинает активно использоваться для выражения каузативных (условно-следственных) отношений, тогда как в XVIII в. биинфинитивные предложения со связочным глаголом *значить* оформляли лишь предложения номинативного и сигнификативного тождества. Из-за близости смысловых отношений, выражаемых биинфинитивными предложениями каузативного типа к

сложноподчиненным предложением с придаточным условным, слово *значит* начинает употребляться в сложном предложении в составе главной части для акцентирования условно-следственных отношений.

Во-вторых, активизации модели способствовало ее широкое использование для оформления разного рода обобщений и выводов. Это привело к тому, что в современном русском языке в биинфинитивном предложении со связкой *значить* наиболее широко представлена форма *значит* с вневременным значением, а из двух видовых форм инфинитива гораздо чаще используется несовершенный вид.

Биинфинитивные предложения со связкой *значить* первоначально обладали книжным оттенком, однако в современном русском языке это связочное средство имеет нейтральную стилистическую окраску, и предложения с этой связкой являются ядром биинфинитивных предложений. Благодаря широкому распространению в живой речи, связка *значить* стала основой для образования вводного слова *значит*.

Глагол *значить* в течение XIX в. расширил круг выражаемых значений. Возможно, поэтому при выражении значения тождества он стал присоединять к себе дополнительные частицы и связочные комплексы. С XVIII в. употреблялось сочетание *значить то же, что*. Например: *Г. критик не сказывает того только, по какому этимологическому разбору проманивать значит то же, что и проводить, и почему к значению, которое дано первому, лучше подходит обольщать* (Д.И. Фонвизин). С 1820–1830-х гг. распространяется новое связочное образование, составленное из сочетания связочного элемента *это* и глагола *значить* в форме настоящего времени. Связочное образование *это значит* употребляется в тех же случаях, что и *значит*, отличаясь от последнего в стилистическом плане более разговорным характером, а в семантическом – дополнительным оттенком указательности, обязанным местоимению *это*, например: *Со всем можно бороться, всего можно достигнуть силою воли, неутомимым преследованием, но бороться с бессилием, но преследовать ничтожество... согласитесь сами, ведь **это значит** тратить жизнь свою на воздух, значит заранее обречь себя на вечное стремление, вечное желание, а вместе с тем и на вечное недостижение желаемой цели!* (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Закрепление глагола *значить* в качестве связки в биинфинитивном предложении привело к сокращению его употребления в других значениях. Будучи первоначально полнозначным глаголом, глагол *значить* мог употребляться и в предложениях с подлежащим, выраженным существительным, например: *Гаджи, собственно, **значит** путешественник, но придается вроде титула тем, кои были в Мекке* (А.А. Бестужев-Марлинский). С середины XIX в. в этой позиции начинается распространение глагола *означать*, все больше бравшего на себя функции глагола *значить* как полнозначного глагола: *Любовь к природе, к деревьям, к цветам **означает** уже некоторую степень образованности, а возможность иметь два дома или две квартиры есть доказательство довольства* (Ф.В. Булгарин).

В главе V «Сочетаемость связочных глаголов в XVIII–XIX вв.» в диахроническом аспекте рассматриваются синтагматические особенности связочных глаголов в зависимости от их принадлежности к разным семантическим группам. Если XVII в. характеризовался относительно стабильной сочетаемостью связочных глаголов (в подавляющем большинстве связки сочетались с краткими формами прилагательных), то в течение XVIII–XIX вв. синтагматика связочных глаголов претерпела существенные изменения. В главе рассмотрена сочетаемость связочных глаголов с прилагательным в полной и краткой форме, с компаративом, с существительным в Им. и Тв. п., с предложно-падежными формами существительного, именными группами, наречием, а также особенности безличного употребления связочных глаголов.

До XVIII в. краткая форма прилагательного являлась основной формой выражения присвязочной части большинства полузнаменательных связок. С XVI в. начинается развитие предикативной функции у полных прилагательных сначала в форме Им. п., а позже в форме Тв. п. Начавшийся процесс вытеснения кратких форм прилагательного полными формами длился несколько столетий и все еще не окончился. На разных этапах развития русского языка функциональное соотношение кратких и полных форм прилагательного было неодинаково, что затрудняет выявление различий, существующих между этими формами. Процесс вытеснения кратких форм прилагательного в конструкциях с полузнаменательными связками имел ряд особенностей.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что полная форма прилагательного в Им. п. практически не участвовала в процессе замены краткой формы: доля предикативного употребления полного прилагательного в Им. п. практически ни с одной из связок не превышает 2–3%. Таким образом, в конструкциях с полузнаменательными глагольными связками выход из употребления краткой формы сопровождался распространением полного прилагательного в Тв. п. Этот процесс не был механистичным, так как семантика этих двух форм не совпадает: исследователи отмечают наличие у кратких форм стального оттенка, а у полных форм – классифицирующего.

В сочетании с одними связками эти различия не имели большого значения: так, в сочетании с модальными связками со значением мнимости (*казаться, показаться*) и с фазовыми связками выход из употребления старой предикативной формы прилагательного сопровождался пропорциональным увеличением доли полного прилагательного в Тв. п. В сочетаниях со связками общего мнения (*считаться, почитаться*) произошло существенное расширение употребления прилагательного за счет полной формы в Тв. п., так как классифицирующий оттенок новой предикативной формы прилагательного хорошо сочетался с классифицирующей семантикой связки. Наоборот, в сочетании со связками, обозначающими пребывание в состоянии (*пребывать, пребыть, находиться*), выход из употребления краткой формы не сопровождался распространением употребления полной формы, в результате

чего сочетаемость этих связок в современном русском языке ограничивается почти исключительно предложно-падежными формами прилагательного.

Динамика замены краткой формы прилагательного полной формой была обусловлена не только семантикой связки, но и ее формой: новая форма быстрее распространялась в сочетании с неличными формами, чем с личными. Более устойчиво старые формы сохранялись в конструкциях со связочными глаголами в форме совершенного вида, особенно в форме мужского рода.

К рубежу XIX–XX вв. полное прилагательное в Тв. п. становится ведущей предикативной формой прилагательного в конструкциях с большей частью полузнаменательных связок. Относительно широкое использование краткого прилагательного сохранялось лишь в сочетании со связками *показаться, остаться и стать*.

Сочетаемость с компаративом обнаруживают не все связки: эта форма прилагательного практически не сочетается со связками *остаться, оставаться, считаться, почитаться*. Шире всего компаратив встречается в конструкциях с фазовыми связками, указывающими на возникновение признака, причем фазовые связки несовершенного вида в несколько раз чаще встречаются в сочетании с компаративом, чем фазовые связки совершенного вида. Модальные связки сочетаются с компаративом реже, причем связочный глагол *казаться–показаться* сочетается с компаративом значительно чаще, чем его синоним *представляться–представиться*. Кроме модальных связок со значением мнимости, с компаративом могут сочетаться эмергенциальные связки.

Сравнивая сочетаемость модальных и фазовых полузнаменательных связок с прилагательным и существительным, можно сделать вывод о том, что модальные связки (со значением мнимости и обнаружения) значительно чаще сочетаются с прилагательным (70–80%), тогда как фазисные связки обнаруживают неоднородность. Формы несовершенного вида употребляются с прилагательным чаще, чем формы совершенного вида; фазовый глагол *стать–становиться* употребляется чаще, фазовые глаголы *делаться–сделаться, учиниться*.

Употребление существительного в составе присвязочной части возможно в формах Им. и Тв. п., в падежных и предложно-падежных формах. История распространения Тв. предикативного на месте Им. предикативного хорошо изучена в русистике, однако эта проблема рассматривается обычно на материале именных конструкций независимо от типа связок. В диссертации исследуются особенности употребления Им. и Тв. п. существительного в сочетании с полузнаменательными связками и делается вывод о том, что динамика употребления этих форм отнюдь не сводилась к простой замене одной из этих форм другой. Существительное в Им. п. в сочетании с полузнаменательными связками в XVII в. встречается очень редко, а в Тв. п. – еще реже.

Распространение Тв. предикативного на месте Им. предикативного было обусловлено не только тем, что в связи с заменой паратактических связей

гипотактическими первая из этих форм более четко оформляла предикативную группу, но и тем, что предикативное существительное в Тв. п. имеет более признаковый характер, так как Тв. предикативный взаимодействует с другими, обстоятельственными значениями Тв. п. Наблюдения показывают, что расширение употребления существительного в Тв. п. происходило не столько за счет выхода из употребления Им. предикативного, сколько за счет выхода из употребления краткого прилагательного и предложно-падежных форм существительного. Процесс замены предложно-падежных форм существительного Тв. предикативным особенно хорошо прослеживается на примере истории связок *служить, считаться, почитаться, являться, представляться, представиться*.

Предложно-падежные формы существительного ограниченно употребляются с большинством полузнаменательных связок: в современном русском языке относительно широко они сочетаются со связочными глаголами *остаться–оставаться* и *оказаться–оказываться*, а также со связками, выражающими пребывание в состоянии (*находиться, пребывать*). Процесс расширения или сокращения предикативного употребления предложно-падежных форм существительного с каждой конкретной связкой был обусловлен несколькими обстоятельствами: историей предикативного употребления существительного в Тв. п. и краткого прилагательного, степенью грамматикализации связок и некоторыми другими причинами.

В истории русских связок можно выделить этап (XVII – первая половина XVIII в.), когда предложно-падежные формы существительного относительно широко использовались с различными связками. Так, форма «за + В. п.» была активна в конструкциях со связками *казаться, показаться, видеться, служить, почитаться, стать* в силу слабого распространения существительного в Тв. п. (например: *Сия статья... высоким персонам покажется за великую беду* (И.Т. Посошков). По мере распространения Тв. предикативного существительного в конструкциях с полузнаменательными связками происходит выход из употребления формы «за + В. п.».

Сокращение употребления краткого прилагательного в конструкциях со связками со значением пребывания, как было отмечено выше, привело к распространению на ее месте не полного прилагательного в Тв. п., которое было не способно передавать значение состояния, а предложно-падежных форм, особенно формы «в + Пр. п.».

Изменения в употреблении предложно-падежных форм могли быть обусловлены не только общими изменениями в выражении присвязочного компонента, но и изменениями в семантике связки. Связочные глаголы формировали свое грамматикализованное связочное значение на основе исходной, более конкретной семантики, которая обуславливала у некоторых из этих связок (*являться, представляться–представиться* и нек. др.) широкую сочетаемость с предложно-падежными формами существительного, например: *являться, представляться* «в образе / в виде + Р. п.». По мере развития

абстрактного значения происходила замена предложно-падежных форм существительного специализированными формами выражения именной части.

В современном русском языке основная часть полузнаменательных связок сочетается с предложно-падежными формами существительного очень ограниченно. Исключение составляют глаголы со значением пребывания в состоянии (*находиться, пребывать*), а также глаголы *оказаться–оказываться, оставаться–остаться*. Широкое использование предложно-падежных форм в сочетании с двумя последними связочными глаголами обусловлено, по-видимому, тем, что они способны употребляться в качестве локативных предикатов, а также их семантической близостью к связочному глаголу *быть*, обладающему чрезвычайно широкими дистрибутивными способностями.

Употребление именных групп в сочетании с полузнаменательными связками относится к позднему этапу развития связочной системы русского языка. В первой половине XVIII в. их употребление носит единичный характер; начиная с середины XVIII в. и особенно в XIX в. расширяется не только предикативное употребление именных групп, но и число опорных слов – классификаторов, вокруг которых могли организовываться именные группы. В сочетании со связками *находиться, пребывать* широко распространяются группы с опорными словами *вид, настроение, обстановка, обстоятельства, отношения, положение, состояние, условия* в форме «в + Пр. п.». Эти группы стали употребляться также в сочетании с глаголами *оказаться–оказываться, оставаться–остаться*, например: *Иван Ефремович остался в самом горестном состоянии* (В.Т. Нарезный).

В сочетании с остальными полузнаменательными связками в течение XVIII–XIX вв. широко распространяются именные группы с опорными словами *человек, дело* (с первой половины XVIII в.), *вещь, что-то* (в XIX в.). Процесс распространения именных групп с этими классификаторами, судя по всему, подпитывался выходом из употребления кратких форм прилагательного.

Употребление наречия в составе именной части имеет очень ограниченный характер. Наблюдаемое расширение его предикативного использования отчасти обусловлено распространением в качестве грамматического субъекта абстрактных имен. С другой стороны, в течение XVIII–XIX вв. некоторые связки обнаруживают тенденцию к расширению сочетаемости с отдельными группами наречий. Так, связочный глагол *казаться–показаться* начинает присоединять к себе наречия, указывающие на удаленность объекта восприятия (*далеко, близко, глубоко* и пр.), связочный глагол *остаться–оставаться*, а позже *оказаться–оказываться* развивает способность к сочетанию с наречиями совместности (*вдвоем, втроем, наедине, вместе* и т. п.). Отдельно отметим связку *выглядеть*, которая широко сочетается с наречиями на всем протяжении своего существования.

Один из аспектов сочетаемости связочных глаголов, рассмотренных в диссертационном исследовании, связан с их способностью к безличному употреблению. Случаи безличного употребления связочных глаголов можно разделить на две группы: во-первых, в составе простого предложения; во-

вторых, в составе главной части сложноподчиненного предложения. В простом предложении связочные глаголы встречаются в нескольких структурных типах: а) в сочетании со словами категории состояния или их эквивалентами (*Мне **сделалось** грустно*), в том числе в предложениях, включающих в свой состав инфинитив (*Мне **показалось** стыдно об этом просить*); б) в безлично-отрицательных предложениях (*У меня **не оказалось** денег*); в) в безлично-инфинитивных предложениях (*Мне **стало** не о чем говорить*); г) в предложениях количественной характеристики (*Работы **оказалось** много*). В составе главной части сложноподчиненного предложения связочные глаголы могут выполнять две функции: либо а) выступать в сочетании со словами категории состояния, служащими опорными словами для придаточного изъяснительного (*Мне **осталось** непонятно, что я должен был делать*), либо б) самостоятельно употребляться в качестве опорных слов для этого типа придаточного (*Мне **показалось**, что кто-то пришел*).

Не все указанные типы предложений представляют однозначно безличное употребление связочных глаголов. Некоторые конструкции могут быть охарактеризованы как двусоставные с пропозициональным подлежащим, выраженным инфинитивом или придаточным предложением. Неоднозначно решается вопрос о синтаксической квалификации предложений количественной характеристики (иначе – количественные, квантитативные, измерительно-предметные предложения).

В безличном предложении способны употребляться далеко не все связочные глаголы. Так, в безличном предложении совершенно не употребляются логические связки (*являться, служить, называться* и др., а также все неспециализированные связки). Безличное употребление ограничивается двумя группами связок – фазисными и модальными. Сопоставительный анализ безличного употребления связочных глаголов показывает их неоднородность как в отношении способности вводиться в разные типы безличных конструкций, так и в отношении частотности безличного употребления. Наиболее частотным связочным глаголом в безличных конструкциях является глагол *стать–становиться*; это обусловлено тем, что этот глагол является практически единственным способом выражения начала наступления состояния в безличных предложениях с предикатом, выраженным словами категории состояния. Глагол *делаться–сделаться* относится к уходящим явлениям русского языка и уступает глаголу *стать–становиться* как по общей частотности употребления в двусоставных и односоставных именных предложениях, так и по способности употребления в разных структурно-семантических типах безличного предложения в силу особенностей своей семантики.

Наиболее широкими возможностями употребляться в разных типах безличного предложения обладают эмергенциальные связки, особенно связка *оказаться*. Основной причиной этого является то, что эмергенциальное значение, то есть значение обнаружения, сближается с бытийным значением; в силу этой близости глагол *быть*, обладающий максимальными

синтагматическими возможностями среди предикатов, оказывает влияние на эмергенциальные глаголы, способствуя расширению их сочетаемости. Однако общая частотность безличного употребления связки *оказаться* значительно ниже, чем связок *стать* и *становиться*. Связка *стать* имеет ряд особенностей, сближающих ее с эмергенциальными связками, так как из-за особенностей генезиса ее связочное значение возникновения признака было осложнено эмергенциальным оттенком.

Связки со значением мнимости тяготеют к употреблению в тех безличных структурах, которые имеют спорный статус и могут быть квалифицированы как двусоставные: в простых предложениях со словами категории состояния и инфинитивом; в сложноподчиненных предложениях, где эти связки выступают в качестве предиката пропозиционального отношения (*кажется, что...*) либо в сочетании со словами категории состояния, которые выполняют функцию опорных слов для придаточных изъяснительных (*показалось странно, что...*). Это обусловлено когнитивной структурой этих связок, которые содержат указание на объект восприятия, субъект восприятия, его перцептивно-оценивающую деятельность и результат этой деятельности: реализация когнитивной структуры этих связок в тех безличных предложениях, в которых максимально редуцирован субъект, становится практически невозможной.

Одним из наиболее редких связочных глаголов, употребляющихся в безличных предложениях, является глагол *остаться–оставаться*. Семантическая близость к глаголу *быть* делает для него возможным употребление в разных типах безличных структур, однако такое употребление в некоторых безличных структурах является скорее потенциальной возможностью. Это особенно относится к наиболее частотной безличной структуре, предикат которой включает слова категории состояния: состояние предполагает имплицитное указание на длительность и неизменность, поэтому употребление глагола *остаться–оставаться* оказывается семантически избыточным.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Эволюция системы связочных глаголов в русском языке XVII–XIX вв. отражает комплекс грамматических и стилистических процессов, протекавших в русском языке Нового времени. Активизация связочных глаголов, увеличение их числа, уточнение выражаемого ими значения, замена многозначных связок однозначными, сужение круга выражаемых одной связкой значений были результатом активизации составного именного сказуемого, перемещением его с синтаксической периферии ближе к центру грамматической системы.

С грамматической точки зрения активизация составного именного сказуемого стала одним из следствий развития у именных частей речи способности к предикативному употреблению; этот процесс нашел свое проявление также в таких явлениях, как развитие некоторых видов безличного и номинативного предложения, причастных, адъективных и субстантивных

оборотов, некоторых видов детерминантов и т. д. Однако широкое употребление составного именного сказуемого началось тогда, когда возникла коммуникативная необходимость в регулярном выражении тех смыслов, которые выражает этот тип предиката (логических пропозиций, по Т. В. Шмелевой), то есть было обусловлено стилистическими сдвигами в русском языке.

Семантика связочного значения обращена к модусу предложения, таким образом, грамматикализация связочных глаголов представляет собой процесс развития модусного значения на основе исходного диктального значения. Обращение семантики связочного компонента к модусу – черта, которая сближает связку с неполнозначной лексикой (например, с союзами, частицами, модальными словами). Активное формирование связочных глаголов как системы лежит в русле процессов формирования различных модусных средств русского языка Нового времени. Более того, связочные глаголы становились источником при формировании некоторых средств выражения модуса, в частности, участвовали в формировании опорных слов сложноподчиненного предложения и вводных компонентов.

Активизация в речи и расширение числа связок стали причиной начавшегося обобщения их сочетаемостных свойств. Важнейшим результатом произошедшей унификации синтагматики связок явилась тесная связь компонентов составного именного сказуемого, которые сформировали стабилизированный аналитический предикативный комплекс, способный выступать не только в позиции предиката, но и во вторичных синтаксических позициях в качестве составного члена предложения.

Составное именное сказуемое как грамматическое явление продолжает развиваться в XX в., что делает необходимым его дальнейшее изучение в современном русском языке. Необходимо изучение истории тех связочных элементов, которые не были затронуты в диссертационном исследовании, в частности «неспециализированных связок» (термин П. А. Леканта), выявление изменений в сочетаемости связок в современном русском языке, изменений в способах выражения именной части и целый ряд других вопросов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Руднев, Д. В. История становления связочного глагола *являться* в современном русском языке [Текст] / Д. В. Руднев // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 116–138.

2. Руднев, Д. В. Местоименная связка *это* в историческом аспекте [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2007. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 82–93.

3. Руднев, Д. В. Местоименная связка *вот* в историческом аспекте [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2007. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 90–97.

4. Руднев, Д. В. Изменения в способах выражения подлежащего и появление новых связок в XVIII веке [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2009. – Вып. 1. – Ч. I. – С. 66–70.

5. Руднев, Д. В. Из истории образования связочного глагола *стать* [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2010. – Вып. 1. – С. 180–185.

6. Руднев, Д. В. Из истории формирования фазовых модификаторов в сфере именных предикатов состояния [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2010. – Вып. 3. – С. 186–194.

7. Руднев, Д. В. Модальные глаголы-связки и их роль в формировании семантики опорных слов сложноподчиненного предложения [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2011. – Вып. 1. – С. 128–133.

8. Руднев, Д. В. Из истории связочного употребления глаголов «находиться» и «найтись» [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2011. – Вып. 2. – С. 186–194.

9. Руднев, Д. В. Полузнаменательные связки в русском языке XVII в. [Текст] / Д. В. Руднев // Русский язык в научном освещении. – 2012. – № 2. – С. 285–301.

10. Руднев, Д. В. Система связочных глаголов в произведениях Антиоха Кантемира [Текст] / Д. В. Руднев // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IX. Ч. 2. Русская историческая лексикология и лексикография XVII–XIX веков. К 100-летию Ю. С. Сорокина. – СПб.: Наука, 2013. – С. 470–494.

11. Руднев, Д. В. Предикативное употребление существительного в форме «за + В. п.» в истории русского языка [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 2 (26). – С. 7–16.

12. Руднев, Д. В. История формирования в русском языке глагольной связки СЛУЖИТЬ [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2014. – Вып. 1. – С. 210–220.

13. Руднев, Д. В. Модальные связки со значением обнаружения в истории русского языка [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2014. – Вып. 2. – С. 80–93.

14. Руднев, Д. В. История образования вводного слова ЗНАЧИТ [Текст] / Д. В. Руднев // Вестник Воронежского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 79–82.

15. Руднев, Д. В. О происхождении связочного глагола *стать* [Текст] / Д. В. Руднев // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 2 (28). – С. 82–103.

Публикации в прочих изданиях

16. Руднев, Д. В. О случаях конкуренции именительного и творительного предикативного падежей имен существительных [Текст] / Д. В. Руднев // Грамматика: (Русско-славянский цикл): Материалы XXXVII Международной

филологической конференции, 11–15 марта 2008 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Г. Н. Акимова. – СПб. : Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 71–77.

17. Руднев, Д. В. Развитие составного именного сказуемого в русском языке XVII–XIX веков [Текст] / Д. В. Руднев // Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони (9–13 ноября 2009 года). – СПб. : Нестор-История, 2009. – С. 220–221.

18. Руднев, Д. В. Составное именное сказуемое [Текст] / Д. В. Руднев // Акимова Г. Н., Вяткина С. В., Руднев Д. В. и др. Синтаксис современного русского языка: словарь-справочник / Под ред. Г. Н. Акимовой и С. В. Вяткиной. – СПб. : Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 148–150.

19. Руднев, Д. В. Связка [Текст] / Д. В. Руднев // Акимова Г. Н., Вяткина С. В., Руднев Д. В. и др. Синтаксис современного русского языка: словарь-справочник / Под ред. Г. Н. Акимовой и С. В. Вяткиной. – СПб. : Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 119–120.

20. Руднев, Д. В. История формирования фазисных связок в русском языке [Текст] / Д. В. Руднев // Русский язык : исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 85–86.

21. Руднев, Д. В. О роли глагольных связок в формировании семантики опорных слов сложноподчиненного предложения [Текст] / Д. В. Руднев // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике : коллективная монография / [Н. А. Аксарина, С. М. Белякова, Д. В. Руднев и др.] ; сост., отв. редактор Л. М. Байдуш – Тюмень : Мандр и К^а, 2010. – С. 102–109. – ISBN 5-93020-450-0.

22. Руднев, Д. В. Система связочных глаголов в русском языке XVII века [Текст] / Д. В. Руднев // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии : очерки [Текст] : [моногр.] / [Г. Н. Акимова, О. В. Буренина, Д. В. Руднев и др.] ; под ред. С. В. Вяткиной, Д. В. Руднева. – СПб. : Филол. ф-т. С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. – (Лингвистические исследования). – С. 300–312. – ISBN 978-5-8465-1254-2.

23. Руднев, Д. В. Формирование глагольной связки «оказаться» в современном русском языке [Текст] / Д. В. Руднев // Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes. – 2013. – № 3. – P. 13–32.

24. Руднев, Д. В. История формирования модальных связок со значением обнаружения [Текст] / Д. В. Руднев // Русский язык : исторические судьбы и современность : V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.) : Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 80–81.

25. Руднев, Д. В. Составное именное сказуемое в русском языке XVI века [Текст] / Д. В. Руднев // Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes. – 2014. – № 4. – P. 1–23.